

НЕ
ДЕТСКАЯ
КНИГА

Мамара
Крюкова

НА ЗЛАТОМ
КРЫЛЬЦЕ
(ИДЕЛИ...

НЕдетская книга

Тамара Крюкова

На златом крыльце сидели...

«Аквилегия-М»

2017

УДК 82-31
ББК 84(2Рус-Рос)6

Крюкова Т. Ш.

На златом крыльце сидели... / Т. Ш. Крюкова — «Аквилегия-М»,
2017 — (НЕдетская книга)

ISBN 978-5-906819-53-6

Деньги, слава, власть, секс – разве не вокруг них крутится многое в современном мире? Четверо друзей отправляются на пикник отметить день рождения одного из них. Между делом заходит разговор о том, чего каждый хотел бы получить от жизни. Один мечтает разбогатеть и жениться на красавице, другой видит себя героем экрана, третий не прочь обрести власть, четвёртый... Неожиданно на поляне появляется девочка, которая предлагает друзьям сыграть в нехитрую детскую игру «На златом крыльце сидели...». Новая книга Тамары Крюковой – триллер, мистика, эротика и психологическая драма под одной обложкой.

УДК 82-31
ББК 84(2Рус-Рос)6

ISBN 978-5-906819-53-6

© Крюкова Т. Ш., 2017
© Аквилегия-М, 2017

Содержание

Чудо	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	41
Эйфория	46
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тамара Крюкова

На златом крыльце сидели...

© Крюкова Т., 2017

© Издательство «Аквилегия-М», 2017

* * *

Никто не потворствует дьяволу, все осуждают его, но делают это без дерзости, с долей почтения.

Марк Твен

Мы судим других по поступкам, а хотим, чтобы нас судили по возможностям.

Хорхе Луис Борхес

Чудо

Глава 1

Сегодня я пробую смерть на вкус. Довольно странное занятие в погожий день позднего мая. Лето только вступает в права. Все дышит изобилием. Пронзительно яркую зелень еще не тронула патиной пыли. Мир раскрашен в бесстыдно яркие краски, как будто на свете нет полутонов. Даже знойный воздух напоен энергией и страстью. Все растет, бушует и поет гимн жизни.

Но люди умирают всегда. Даже сейчас, когда природа захлебывается радостью бытия. Даже в это самое время, когда мы, четверо обалдуев, мчимся за город, закинув в багажник мангал и пару килограммов замаринованной свинины. В этот миг кто-то сделал последний вдох. На земле стало одним человеком меньше, а мы этого даже не заметили.

Мегаполис со светофорами и пробками остался позади. Автомобиль несся по раскаленному шоссе, как сорвавшийся с поводка пес. Асфальт плавился и казался черным, будто кто-то широкой кистью провел полосу гудрона.

Алик выключил кондиционер. Стекло передней дверцы медленно поползло вниз. Горячий воздух жадно ворвался в открытое окно.

– Ты чего кондей выключил? Жара, как в преисподней, – проворчал Борис.

– Кондей жрет много. А нам еще назад возвращаться. Неизвестно, сколько вечером в пробках простоим. Наслаждайся чистым воздухом, – сказал Алик.

– Я аж взмок от наслаждения. Ни фиги себе май!

– Борька, не привередничай. Окошко со своей стороны открой, – посоветовал Гриша.

– Ради тебя же стараюсь. Вон у тебя уже жир плавится, – беззлобно огрызнулся Борис.

Гриша с детства страдал избыточным весом. Он не был толстяком, но при высоком росте его рыхлое тело казалось грузным. В жару ему приходилось тяжелее других. На лбу и над верхней губой выступили капельки пота. Футболка под мышками намочила и потемнела.

– Синоптики дождь обещали, – сказал Валерка, отбивая ногой ритм несущейся из радио-приемника мелодии.

– Они все время что-то обещают. Им за это зарплату платят, – хмыкнул Боря.

– Дождь будет. Парит сильно, – высказался Гриша.

– Не каркай.

– Вот именно. Зря мы, что ли, шашлычок замутили?

– К сожаленью, день рожденья только раз в году, – затащил незамысловатую песенку Валерка.

– Не один, а четыре, – поправил его Боря.

– Но по теплу-то только у Алика. В феврале на природе с шашлычком долго не высидишь, – возразил Валерка.

Алик, Гриша и Борис дружили чуть ли не с детского сада. Валерка присоединился к ним в третьем классе. Так что все дни рождения неразлучная четверка с незапамятных времен отмечала вместе.

День рождения. Пора подведения итогов. Двадцать три – пусть не юбилейная, но дата. Школа, колледж и прочая мутотень позади. Началась жизнь, когда каждый реально доказывает, чего он стоит. На этой бирже успеха котировки Алика были не так уж низки. Он успел обзавестись квартирой и машиной. Ничего, что приходится выплачивать ипотеку и «Фольксваген» подержанный – это мелочи. Главное, он сумел организовать свое дело. Точка на строительном рынке лишних денег не давала, но кормила вполне сытно. Он единственный из чет-

верки подкидывал денег родителям, хотя они и сами крутились. Отец, демобилизовавшись, пошел в охрану. Мать, всю жизнь проработав медсестрой, в последнее время подрабатывала продажей косметики. На жизнь им хватало, но если б не он, не видать бы им Анталии.

Знойный воздух врывается в открытые окна, создавая иллюзию прохлады. За чертой города жара переносилась легче и дышалось свободнее. По обеим сторонам от дороги взвирялась, как изумрудное пламя, зелень деревьев. Раскаленный шар солнца истекал на землю жаром, а на горизонте едва заметно обозначилось темное пятно. Оно быстро росло, расплывалось лиловым кровоподтеком, замарав безупречную лазурь неба.

Валерка присвистнул.

– А синоптики-то свой хлеб отработали. Смотрите, как нахмурилось. Сейчас ливанет. Плакал наш шашлычок.

– Ничего, мы будем проворнее. Главное, успеть мангал наладить, – сказал Алик и нажал на газ.

Автомобиль набирал скорость, как будто соревнуясь с сизой тучей. Колеса истоиво подминали под себя ленту шоссе. Скоро пришлось притормозить. Машина выскочила на бетонку и запрыгала по плитам.

– Приехали! – провозгласил Алик, подрулил к сосновой роще и выключил зажигание.

Словно по его команде, первые капли застучали по лобовому стеклу. Непогода укоротила день. Время будто смешалось. Минут полдень, наступил вечер.

– По закону подлости, – сказал Борис.

Алик молча стиснул зубы. В последнее время слишком многое случалось по закону подлости. Сегодня он хотел взять отгул у этого вездесущего закона. Во всяком случае, он не позволит какому-то атмосферному явлению испоганить свой день рождения. Под дождем или без дождя – сегодня проблем не существует.

– Ничего, под деревьями не промокнем, – сказал он, вылез из машины и стал доставать из багажника мангал.

Боря и Валерка подхватили пакеты с провизией и проворно нырнули под сень сосен. Только Гриша не спешил укрыться. Он снял потную футболку и с наслаждением подставил лицо каплям дождя. После зноя было приятно стоять под прохладными струями.

– Эй, человек дождя, ты долго будешь мокнуть? – окликнул его Алик. – Тащи все, что осталось.

В бору стоял сумрак, но зато даже в дождь здесь было относительно сухо. Под ногами пружинил мягкий ковер из прошлогодних иголок. Летом водохранилище было излюбленным местом отдыха. Люди стекались сюда на машинах и автобусах. Дачники с соседних дач добирались пешком. В выходные тут было не протолкнуться, но сегодня дождь разогнал по домам даже ту немногочисленную публику, что ходила купаться по будням. Было непривычно тихо и пустынно. Отполированные задами бревна, которые служили отдыхающим скамейками и всегда были востребованы, оставались незанятыми.

– О, vip-места свободны, – объявил Борис.

– А мне в дождь нравится. Народу никого. И купаться клево, – сказал Валерка.

За деревьями отсвечивало водохранилище. В непогоду вода казалась серой и тусклой, как старое зеркало с изъеденной амальгамой. На высоких берегах стояли стражи-сосны. Очертания их красноватых, словно сделанных из меди, стволов были размыты за пеленой дождя.

Зона отдыха представляла собой гремучую смесь райского уголка и свалки. Обертки от мороженого, бутылки, полиэтиленовые пакеты валялись повсюду, провозглашая торжество человека над природой.

– Че за свинарник? Каждый раз одно и то же. Как будто на помойке живут, – возмутился Алик, ногой отбрасывая мусор с облюбованной площадки.

Гриша достал пакет и принялся методично собирать мусор.

– Гришань, может, тебе уборщиком сюда наняться? Не надоело тебе каждый раз таскаться с мешком? За всеми не уберешь, – покачал головой Валерка.

– Гришаня – наша совесть. Готов спорить, мне этот хлам придется в город тащить. Как будто у меня не легковушка, а мусоровоз, – усмехнулся Алик.

– Вам же не нравится, когда вокруг грязно. Тогда в чем вопрос? – привычно отмахнулся Гриша.

– А по мне так можно на мусор не смотреть. Лично мне он не мешает, – сказал Борис.

– Ты у нас личность творческая, в мечтах живешь. А мы люди приземленные. Если наступил в дерьмо, значит, конкретно. Давай сооружать мангал, пока дождь все на фиг не намочил.

– Точно. Давайте еду наладим. Я голодный как собака, – с энтузиазмом поддержал Алика Боря.

Он вынул из сумки пластиковые коробочки с салатами, нарезку и, не дожидаясь начала застолья, отправил в рот кусок колбасы, доказав, что творческой личности не чужд зов желудка.

– Борька, ты когда-нибудь сытым бываешь? – подтрунил над ним Гриша.

– Не завтракал. На полной мели, – развел руками Боря.

– Сколько я тебя помню, ты всегда на мели, – хмыкнул Алик.

– Не всем же быть денежными мешками. Страшно далек ты от народа. А нам, творческим людям, зарплату два раза в месяц не платят. Приходится крутиться. Кстати, одолжи столтник. На пару дней.

– Борька, сотню даже займы давать западло. Бери так, но ты ведь через пару дней опять за столтником прибежишь.

– Прибегу. А куда деваться? Поэтому без отдачи не возьму. Только в долг.

– У нищих тоже есть свой кодекс чести, – засмеялся Валерка.

– Чего ты на столтник сделаешь? – спросил Алик.

– Кофе куплю. Я без него с утра не человек. Знаешь, как-то Бальзак остался без гроша. Его слуга пошел в магазин и на последние деньги купил хлеба. Возвращается, Бальзак увидел хлеб и накинулся на беднягу: «Каналья! В доме ни ложки кофе, а ты хлеба накупил».

– Так то Бальзак, – как по команде, протянули Алик и Гриша.

– Может, я тоже классиком стану.

– Пока ты классиком станешь, мы все в ящик сыграем, – сказал Валерка.

Алик кинул Борису ключи от машины.

– Ладно, писатель, не рви душу. Бумажник в бардачке. Возьми пятьсот, чтобы тебе еще и на хлеб хватило. Я себе не прощу, если классик отбросит копыта с голоду.

– Алик, ты человек, хоть и капиталист, – просиял Борька.

– Балабол, – хмыкнул Алик.

Боря скоро вернулся, мокрый, но довольный.

– Ну дела, вообще никого, – отряхиваясь, сказал он. – Прямо фантастический фильм: последние во Вселенной.

– Да, девочки на сегодня отменяются, – вздохнул Алик.

– Дались вам эти девочки. Без них спокойнее, – буркнул Валерка.

– Квазимодо в своем репертуаре, – насмешливо улыбнулся Боря.

– На то он и Квазимодо, – поддакнул Гриша.

Прозвище Валерка заслужил в третьем классе, в честном кулачном бою.

С раннего возраста внешность была его проклятием. Он выглядел, как амур с потолочных росписей дворцов позапрошлого века. Светлые кудрявые волосы, пухлые щечки и огромные голубые глаза в обрамлении темных по-девичьи загнутых ресниц. Каждая женщина считала своим долгом выразить свое восхищение красивым ребенком и потискать малыша, как будто он был живой игрушкой.

Однако худшее началось, когда Валерка подрос и пошел в школу. Мальчишки обливали его презрением, словно он сам выбрал такую девчоночью внешность. Валерка изо всех сил старался влиться в мужскую компанию. Он нарочно хамил одноклассникам, чтобы они отстали, и вполне преуспел в этом. Девчонки его терпеть не могли и считали грубияном и задирой. Но это не прибавило ему уважения мальчишек. Однажды Валерка даже подстриг ресницы, решив, что это добавит ему мужественности, но увы. Скоро ресницы отросли и стали еще длиннее.

В третьем классе Валерку перевели в другую школу. Он надеялся, что здесь все будет иначе, но не тут-то было. Он сразу же привлек внимание. Девчонки строили ему глазки и ссорились из-за того, кто будет сидеть с ним за одной партой. Естественно, мальчишки немедленно возненавидели новенького. Переломный момент в его жизни наступил в один из последних дней золотой осени.

Ребята из продленки высыпали во двор. Кто-то побежал гонять мяч, кто-то собирал желто-красные кленовые листья, только Валерка сидел в одиночестве. Он был чужаком. Пристроившись на ступеньках, он исподволь наблюдал, как его одноклассники Алик, Борька и Гриша, рассматривают альбом с наклейками. Эти трое были неразлучны. Они не насмехались над Валеркой. Они просто не обращали на него внимания.

Валерка не заметил, как к нему подошла девочка из пятого класса.

– Хочешь, пойдем порисуем вместе? – сказала она, протягивая ему мелок.

Появление девчонки было совсем некстати.

– Я не умею, – буркнул Валера и покраснел.

Тут пробежавший мимо взъерошенный пятиклассник толкнул девочку:

– Эй, Серегина, ты чего к малышне пристаешь?

– Уйди, дурак, – отмахнулась она.

Вопреки ее недвусмысленной просьбе, мальчишка остановился и направил свое внимание на Валерку:

– Красавчик! Ты ресницы сам завиваешь или тебе мамочка помогает?

– Я не красавчик! – выкрикнул Валерка, сжимая кулаки.

Получить такое обидное прозвище было унижительно. Увидев, что его насмешка попала в цель, обидчик продолжал развивать мысль:

– А кто же ты? Красна девица. Ишь как покраснел.

– Отстань от него, – приказала Серегина.

– Девчонка за девчонку заступается. Мамочка, наверное, девочку хотела? Красавчик, красавчик, – дразнился старший мальчишка, чувствуя свою безнаказанность, поскольку взрослых рядом не было.

Перепадка привлекла внимание гулявших во дворе ребят. Валеркины одноклассники позабыли про наклейки и наблюдали, чем все это закончится. Валерка вдруг понял, что если не ответит, его будут презирать всю оставшуюся жизнь. Он бросился на обидчика. Пятиклассник никак не ожидал отпора. Первым же яростным ударом Валерка рассек ему губу.

– Ты че, ошалел? – возмутился мальчишка и двинул Валерке по голове так, что тот упал.

– Ребята, наших бьют! – крикнул Алик и кинулся на выручку.

Отчаянно молотя кулаками, он ринулся на пятиклассника, так что тот вынужден был отступить. Воодушевленный поддержкой, Валерка вскочил и снова налетел на неприятеля.

– Че, малышня наглеет? – прокричал еще один верзила из пятого «А» и поспешил на помощь однокласснику.

Девчонки завизжали и побежали за учительницей. Борька метался между дерущимися, тщетно пытаясь их остановить:

– Ребята, кончайте. Сейчас училка придет!

Его воззвание к здравому смыслу оставалось неслышанным. Все решило вступление в битву Гриши. Он схватил ранец и, размахивая им, как пращой, двинулся на пятиклашек.

Меткий удар повалил зачинщика драки. Алик вмиг надел на поверженного противника. Воспользовавшись заминкой, Борька подскочил к его приятелю и во все горло гаркнул ему в ухо: «Училка!» После чего тот потерял воинственность и дунул с поля боя.

Оставшийся в одиночестве обидчик имел жалкий вид. Он был настолько деморализован, что даже не пытался вырваться.

– Вы чего? Борзые какие-то, – всхлипнул он, утирая кровь с соплями.

– Никогда не называй меня красавчиком, понял? – выкрикнул Валерка.

– Пусти придурок, – пропыхтел пятиклассник, обращаясь к оседлавшему его Алику.

– Ты слышал, что он тебе сказал? – спросил Алик, ткнув поверженного пятиклассника кулаком в бок.

– Хорошо, пусть будет Квазимодо.

Алик поднялся, а Валерка удовлетворенно протянул:

– То-то же.

Его замечание вызвало улыбки. Валерка не знал, кто такой Квазимодо, но понял главное: тот не был красавчиком.

Когда пятиклассник убежал, Алик одобрительно сказал:

– А ты молоток, Квазимодо. Не побоялся выступить против этого верзилы.

От радости Валерка растерял все слова. Он не мог поверить в свою удачу. Ощущение счастья не улетучилось, даже когда их отчитывала подоспевшая учительница.

С тех пор прозвище прилипло к Валерке. Он не возражал. Оно задевало его куда меньше, чем «красавчик». Постепенно он свылся с ним и стал воспринимать как второе имя.

Повзрослев, Валерка ничуть не подурнел. Внешностью он пошел в отца. Природа наделила его уникальной красотой, которая встречается нечасто. Тонкие аристократические черты лица, густые, светлые волосы, голубые, василькового цвета глаза и черные ресницы. В довершение всего он был великолепно сложен. То, чего другие достигают изнурительными тренировками в спортзале, биостимуляторами и протеиновыми коктейлями, ему далось, как дар свыше. Но обладатель подарков судьбы не ценил их. Привычка избегать девушек глубоко укоренилась в нем. Интерес прекрасного пола натывался на подчеркнутое безразличие, граничившее с враждебностью, поэтому немного пообщавшись с парнем, девушки переставали замечать его красоту, как перестают замечать уродство.

– Слышь, Квазимодо, зачем тебе такая внешность? Голливуд отдыхает, – сказал Алик.

– Голливуд, может, и отдыхает. А во ВГИК не взяли, – мрачно заметил Валерка.

– Так надо было русский язык учить. На сочинении красивые глаза не в счет, – усмехнулся Борис.

– Не всем же классиками быть, – огрызнулся Валерка.

– Нет, ты с темы не соскакивай. Чего ты как евнух? Девчонки на тебя западают с первого взгляда, мог бы их менять чаще, чем одноразовые носовые платки, а ты – ноль внимания. У тебя с ориентацией как?

– Да пошли вы со своей ориентацией. Хоть бы шуточки обновили, – беззлобно отмахнулся Валерка.

– А мы не шутим, – сказал Алик. – Это ж просто позор: такой секс-символ в девственниках ходит.

– Хорошо тебе рассуждать, у тебя своя квартира, – вступился за Валерку Боря. – А возьми, к примеру, Гришку. Гришаня, куда ты девушку поведешь, если твоя мать всегда дома околачивается?

Гриша сделал вид, что вопрос адресован не ему. Зато вместо него ответил Алик.

– Ко мне можно, без проблем. Я ключи всегда дам, вы ведь знаете, – щедро предложил он. – Или на крайний случай к тебе. Тебе ведь бабушка хатку оставила.

– Будь конкретнее: комнату в коммуналке, – поправил Борис.

– Ну и что? Тебе же это не мешает Ингу приводить. Что она в тебе нашла? Красавица. Три языка знает, пиар директор – одна должность чего стоит. Ездит по заграницам. Сейчас в Лондоне на автосалоне пиарит.

– Завидуешь? – усмехнулся Борька.

– Завидую и не скрываю этого. Такой балабол и такую девушку отхватил.

– Ты и сам по этой части не обделен. У тебя девушки каждый квартал меняются, – вставил Гриша.

– Что толку? Девушек много, а Инги нет, – развел руками Алик.

– Извини, брат. Лучшие места заняты, – шутливо поклонился Борис.

– Гриш, а ты чего девушкой не обзаведешься? – спросил Алик.

– Ты ведь сам сказал: Инга одна.

– Да, непруха. Придется нам всем в бобылях ходить. Или как, Квазимодо? Может, передумаешь? – Алик подмигнул Валерке.

– Нет уж. Хватит того, что папаша восемь раз женился.

– Ну и что? Генрих VIII, правда, чуть поменьше – всего шесть, но зато каждую предыдущую жену казнил. А у Грозного знаете сколько жен было? – Борис обвел присутствующих взглядом.

– Не знаю, как у Грозного, а у папани последняя жена наша ровесница. Я к нему как-то заходил. Думал, у нее глаза вывалятся, так на меня пялилась. А старый дурень уверен, что она от него без ума.

Алик плеснул водой на взметнувшиеся языки огня. Пламя недовольно зашипело, как потревоженная змея, и уползло в червонно-золотое логово углей.

– Мы жрать когда-нибудь будем? – сменил тему разговора Боря. – Я скоро захлебнусь слюной, такие тут запахи.

Тягучий, жаркий воздух казался осязаемым. Он колыхался и дрожал над мангалом, дразнил ароматом жареного мяса. Алик достал шампур, надрезал насаженный на него кусок свинины и придиричиво осмотрел выступивший сок.

– Готово! Давайте посуду.

Друзья расселись на бревнах и стали, обжигаясь и пересмеиваясь, снимать горячее мясо на пластиковые тарелки. Вместе им было хорошо.

Четыре мушкетера. Правда, присоединившийся в третьем классе Валерка на д'Артаньяна не тянул. На эту роль скорее подходил бесшабашный Борька. Квазимодо при его внешности был Арамисом. Большой и невозмутимый Гришаня – Портосом. А Алик – Атосом, непрекаемым лидером и заводилой. Иногда он удивлялся, почему они продолжают встречаться. Между ними не было ничего общего, и все же они находили удовольствие в том, чтобы время от времени собираться вместе. Вероятно, причиной тому была возможность вернуться в детство, беззаботное и шумное. Алик так и не обзавелся друзьями помимо школьной компании. Приятелей было много, но интересы его нынешнего окружения были вполне определенными: квасить и обсуждать баб. И только среди «мушкетеров» оживали мечты детства.

Борис открыл пузатую бутылку из темного стекла и стал разливать коньяк.

– Я за рулем, – отказался Алик. – Зацените. На собственный день рождения из-за вас, олухов, даже выпить не могу. Жертвую, можно сказать, своим удовольствием.

– Так чего, я один? – возмутился Борис.

– Выходит так. Валерка у нас убежденный трезвенник. Гришаня...

Гриша неожиданно протянул пластиковый стаканчик.

– А я, пожалуй, выпью.

– О, Гришаня начал исправляться, – одобрительно сказал Борис, наливая золотистую жидкость. – Хорошо, хоть ты компанию составил.

Все подняли пластиковые стаканчики, и Борис произнес:

– Ну что, Алик, с новым годом!

– Ты чего? Конец мая... – хмыкнул Валерка.

– Официальный Новый год – фигня. Люди так и не пришли к общему мнению, когда его отмечать. На востоке – одно, на западе – другое. У нас их вообще два, а до Петра его встречали в сентябре. А вот персональный новый год не подвинешь. С него начинается отсчет жизни. Зато, чтоб новый год удался! – торжественно закончил Борис.

Армагеддон тоже бывает персональным. Людей постоянно пугают концом света, а вся фишка в том, что апокалипсис случается в отдельно взятой жизни, у отдельно взятого индивидуума, ежеминутно, ежесекундно. Для кого-то апокалипсис уже прописан в хрониках времени, и Новый год, увы, не наступит.

Глава 2

Дождь прекратился, но солнце все еще не могло пробиться сквозь толщу облаков. Друзья покинули укрытие и спустились к водоему. Узкая, песчаная полоса пляжа тянулась вдоль озера. Кое-где крутой берег нависал над водой, будто гигантский зверь вычерпал землю.

– Кто купаться? – спросил Валерка.

– Неугомонный ты наш. Еще шашлык не переварился. После сытного обеда надо что? – Алик посмотрел на Борю, и тот не замедлил откликнуться:

– Полагается вздремнуть.

– Вот лежебоки. Гриш, а ты как?

– Не хочется. Солнца нет, – отказался Гриша.

– Пойдем, после дождя вода всегда теплая, – уговаривал Валерка.

– Нет, рано еще. Вода не прогрелась. Сначала на себе проверь.

Поняв, что поддержки не найдет, Валерка с разбегу бултыхнулся в воду. Брызги с шумным всплеском разлетелись в стороны. Ровные, будто очерченные циркулем, круги разбежались по воде, постепенно сглаживаясь и сходя на нет. Валерка вынырнул метрах в пяти от берега, глотнул воздуха и окликнул сидящих на берегу:

– Эй, вы не знаете, что теряете.

– Что найдешь, тащи сюда, – пошутил Алик.

Валерка махнул рукой на ленивую троицу и размашистым кролем поплыл к противоположному берегу.

– Вот что значит здоровый образ жизни. Не пьет, не курит, с девушками не гуляет, – подтрунил над ним Борис.

– Валерка – молоток, – сказал Алик. – Попробовал бы ты с его матерью пожить. Может, у него потому и отвращение к женитьбе.

– Я ее на прошлой неделе встретил – вдупель. Хотел мимо пройти, но пожалел. Свалилась бы под забором. Дотащил ее до дома. По-моему, она меня даже не узнала, – сказал Гриша.

– Я вообще не понимаю, как у такой матери вырос Валерка. Даже пива в рот не берет, – вставил Борис.

– Вот потому он такой и вырос. У него мамашка уже выжрала все, что причиталось на три поколения вперед, – криво усмехнулся Алик.

– А папашка оттрахал, – добавил Борис. – Не повезло парню. Ему надо к психоаналитику.

На отмели из воды торчала кривая коряга, возле которой прилепился пучок растрепанных хворостин рогоза.

Алик подобрал плоский камешек, примерился и бросил. Голыш задорно поскакал по воде и, лишь стукнувшись о корягу, исчез.

– Метко, – похвалил Борис.

Алик удовлетворенно откинулся на локтях.

Неожиданно Гриша спросил:

– Алик, скажи честно, ты доволен жизнью?

Вопрос застиг Алика врасплох.

– Че за вопрос? Естественно. У меня все путем. Квартира, тачка. Чего еще?

– Так, подумалось. Ты ведь мечтал стать гонщиком.

– Мало ли что я мечтал. Вон Валерка хотел в артисты податься. Только таких хотелок миллион. А количество мест ограничено. На всех не хватает.

Алику было неприятно обсуждать эту тему. В последнее время он стал все чаще задумываться, что при всей видимой успешности, ему всегда чего-то не доставало. Проблемы вылезали из всех щелей одна за другой. Казалось, стоит решить возникшую задачу, и все будет в ажуре.

Но с преодолением одной трудности, возникала другая, и цель продолжала маячить впереди, близкая, но недостижимая. Да и была ли цель?

К счастью, разговор прервал Валерка. Он подплыл к самому берегу и окатил друзей брызгами. Холодный душ вызвал бурную реакцию народа. Все вскочили на ноги.

– Чумовой! Ты хоть предупреждай, – возмутился Борис.

– Вам не помешает освежиться, – парировал Валерка. Он вылез из воды и плюхнулся на песок. – Здорово, что мы сюда выбрались. Меня уже доконала эта работа.

– Это точно, – поддакнул Борис.

– А тебе-то чего? У тебя рабочий день не нормирован. Хочешь – работаешь, хочешь – груши околачиваешь, – усмехнулся Алик.

– А чего сразу я? Гришаня тоже по часам на работу не ходит.

– Гришаня над бухгалтерией корпит, – сказал Алик.

– Ну и что? А я статьи пишу.

– Сравнил. Ты в своих статьях можешь любую байдю гнать. А вот дебит с кредитом свести – это не шутка.

– А ты пойдی напиши байдю, чтобы ее напечатали, – возмутился Борис и подмигнул Валерке: – Квазимодо, смотри, как капиталисты консолидируются. Вот что значит иметь свой бизнес.

– А я-то тут при чем? Я просто бухгалтерию делаю, – возразил Гриша.

– Можно подумать, что авторемонтная мастерская принадлежит чужому дяде, а не твоему отцу.

– Все равно. Какой из меня бизнесмен! – проворчал Гриша.

– Какой бы ни был. А наследником кто будет? – привел Боря неоспоримый довод.

Гриша оставил вопрос без ответа. Сейчас ему меньше всего хотелось говорить о наследстве. Он подобрал голыш и, подражая Алику, запустил им по воде. Камешек булькнул и ушел на дно. Иначе и быть не могло. Гриша никогда не отличался ловкостью, и все же в том, что камешек сразу же утонул, была какая-то безысходность.

Борис по-своему понял его молчание и с шутовским пафосом произнес:

– То-то. Это мы с Валеркой пролетарии.

– Пролетарий, ты когда-нибудь раньше полудня встаешь? – поддел его Алик.

– Зато я по ночам работаю. Между прочим, Пушкин даже днем, когда работал, шторы задергивал и зажигал свечу.

– Слышь, Пушкин, потрудился бы на благо процветания моего бизнеса. Нужна звуковая реклама краски «Дюфа». Можешь сварганить что-нибудь в стихах?

– Не вопрос. Чтобы жизнь была, как в сказке, запасайся «Дюфа» краской, – продекларировал Боря.

– Да, это тебе не Пушкин, – рассмеялся Алик.

– А ты хотел, чтоб тебе Пушкин рекламники строгал?

– Слушайте, а чего бы вы хотели на самом деле? – прервал их болтовню Гриша.

– В каком смысле? – спросил Боря.

– Вот, допустим, выловил ты золотую рыбку. И чего пожелаешь?

– Миллион баксов, – не задумываясь, заявил Борис. – Купил бы квартиру и сделал Инге предложение. Чтoб ее родители перестали подыскивать для нее «удачную партию» и таскать в дом претендентов.

– Квазимодо, а ты?

Валерка пожал плечами и буркнул:

– Никогда не видеть свою мамашу.

– Ну, это сопутствующее. А вот чего бы ты загадал, если бы могло исполниться любое желание? – не отступал Гриша.

Валерка на мгновение задумался и сказал:

– Чтобы меня по телику показывали.

– Квазимодо, а ты не прост. Жаждешь славы? – подтрунил над ним Алик.

– Если и так. А ты чего хочешь?

– Чевочку с маслом, – ушел от ответа Алик.

– А все-таки. Представь, что тебе все доступно.

– Все доступно – это когда есть власть. А слава и деньги вторичны, – заявил Алик и обратился к Грише: – Гришаня, а ты-то чего молчишь? Нас на откровенность раскрутил, а сам в кусты?

Гриша пожал плечами.

– Просто жить.

– Ты, Гриш, оригинал. Просто жить каждый дурак может, – засмеялся Борис.

«Если только у него нет саркомы головного мозга», – с горечью подумал Гриша.

Позавчера его постоянная усталость и частые головные боли обрели название, жуткое в своей безысходности. Жизнь кончилась. Или еще нет? Может быть, пуститься во все тяжкие и взять от жизни все? Врач дал ему полгода. Они в последний раз празднуют день рождения Алика вместе, и он, Гриша, вряд ли доживет до своего собственного. При этой мысли у него стиснуло горло. Впрочем, с позавчерашнего дня страх не отпускал его ни на минуту. Нужно привыкать с ним жить. Какое-то мгновение он колебался, не рассказать ли обо всем друзьям, но передумал. Время было неподходящим, хотя есть ли подходящее время для дурных новостей? И нужно ли превращать каждый из отведенных дней в репетицию поминок? Лучше сохранить все в тайне.

– Кто же откажется от денег, славы, власти и Инги? – пошутил Гриша, стараясь за иронией скрыть свою зависть к тем, у кого есть время жить и желать.

– Вот она истина. Инга – это имя звучит музыкой, – сказал Алик.

– Ну ты, меломан, этот саундтрек тебе не доступен, – охладил его Борис.

– Смотрите-ка, Распоживается, – заметил Валерка.

Голубое небо проглянуло за ватной пеленой. Сначала это были лишь небольшие лазоревые лоскуты, но они быстро ширились, отвоевывая небосвод. Солнце пробилось сквозь облака. Над водой зыбким, разноцветным мостом повисла радуга, а чуть в стороне одна за другой еще две, поменьше.

– Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!¹

– процитировал Борис и завершил прозой: – Народная примета. Время загадывать желания.

– Так ведь уже загадали, – в шутку напомнил Алик.

– Айда наверх! Оттуда еще красивее, – позвал друзей Валерка.

Они наперегонки бросились вверх по склону, выбирая более пологие места, и застыли на возвышении. Прямо под ними склонилась ива. Она полоскала в озере распущенные русалочки пряди, а мимо в воде плыли облака. Они ставили знак равенства между «упасть» и «вознестись» и сводили на нет земное притяжение.

– Потряс! Красота какая – и ни души. Так не бывает! – воскликнул Валерка.

¹ Стихи Ф. И. Тютчева.

Гриша поднялся последним и тяжело опустился на мокрую траву. Он не мог, как все, расслабиться и наслаждаться красотой. Мозг сверлила мысль, что это, может быть, последняя радуга в его жизни. Впрочем, вероятность того, что кто-то другой из четверки снова увидит в небе одновременно три радуги, тоже сводилась практически к нулю. Разница состояла лишь в том, что они не задумывались над этим. Для них жизнь была безгранична. Гриша жалел, что сходил на обследование. Знание диагноза висело на нем веригой. Он бы с радостью променял полгода медленного умирания на месяц беспечного бессмертия. Но сослагательное наклонение дает мизерное утешение.

– Гришаня, ты чего такой смурной? Не выспался? Или здоровье надо поправить? – спросил Алик.

– В точку, – кивнул Гриша.

– Сейчас организуем. Ты становишься человеком. Глоток коньячку – и жизнь покажется прекрасной и удивительной, – пообещал Борис и направился к импровизированному столу.

Гриша, как и Валерка, не пил, но не потому, что был убежденным абстинентом. У него с детства были проблемы с желудком. Зная о его слабом здоровье, друзья не настаивали. С учетом того, что Квазимодо тоже спиртного в рот не брал, выпивка никогда не играла сколь-нибудь важной роли в их общении. Но сегодня Гриша хотел напиться и хотя бы на время забыть обо всем. Снявши голову, по волосам не плачут. К чему теперь беспокоиться о желудке?

Подойдя к столу, Борис увидел, что у них гости. На бревне сидела маленькая девочка лет пяти. Милое, голубоглазое создание со светлыми кудряшками выглядело как ангелочек со старинных рождественских открыток. На ней был белый сарафан и сандалеты, а через плечо перекинута сумочка с большой, перламутровой бабочкой вместо застёжки.

– Ты что тут делаешь? – удивился Борис.

– Сiju, – сказала девочка, как будто это было в порядке вещей, что малышка разгуливает одна.

– Эй, Боря, что там у тебя? – крикнул Алик.

– Сюрприз. Девушку заказывали? – пошутил Боря.

Все без лишних слов подтянулись к мангалу.

– Опа-на! – воскликнул Алик. – Ты чья?

– А ты чей?

– Меня зовут Алик.

– А меня Ангелина, – представилась девочка.

Ее левый глазик слегка косил, но даже этот маленький недостаток казался милым на хорошеньком детском личике. Девчушка кивнула в сторону остальных:

– А их?

– Это Борис, Валера и Гриша.

– Ладно, – девочка снова кивнула с достоинством королевы, которой иноземные послы вручили верительные грамоты, и соскочила с бревна.

– Ты потерялась? – поинтересовался Алик.

Она помотала головой.

– Я никогда не теряюсь.

– А где твоя мама?

– Там, – девочка неопределенно махнула рукой в сторону.

– Наверное, она волнуется. Давай мы тебя к ней отведем, – предложил Гриша.

– Не-а. Она никогда не волнуется.

Ангелина трянула кудрявой головкой.

Глядя на нее, Валерка вспомнил свое детство. Его матери тоже было наплевать, где он и что с ним. Она была первой в череде жен отца и пристрастилась к спиртному после того, как он ее бросил. Валерке тогда было три года. К моменту его осознанной жизни она стала уже

законченной алкоголичкой. Когда мать уходила в запой, в холодильнике было шаром покати. В пьяном беспамятстве ее мало заботило, чем питается и как выживает ее сын.

– Есть хочешь? – спросил он у девчушки.

– Не-а, – отказалась она. – А давайте играть в сокровища?

– Как это? – поинтересовался Алик.

– Очень просто. У меня есть сокровища. Вот.

Она открыла сумочку и собралась было извлечь оттуда свои богатства, но передумала и снова защелкнула замочек.

– Не покажу. Это секрет. Сперва нужно посчитаться, и тогда мы увидим, кому что досталось. Только, чур, не жадничать. Каждый получит что-то одно.

– Уговор дороже денег, – торжественно поклялся Алик, приложив руку к сердцу, как в зале суда.

Девочка расставила их в круг и, тыча пальчиком, произнесла слова считалки:

– На златом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, поэт и герой...

– По-моему, там были сапожник и портной, – поправил ее Борис, но Ангелина упрямо помотала головой:

– Нет! Поэт и герой. Кто же захочет быть сапожником или портным, когда можно стать царем или королем?

– Вот именно. Чего ты, Борька, в самом деле, тупишь? Хочешь поэтом стать? – щедро предложил Алик.

– Так нечестно. Нужно, чтобы все было по-честному, – перебила его девочка и снова принялась считать: – На златом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, поэт и герой. Кто ты есть такой, говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей, – ее указательный пальчик остановился на Алике.

Она склонила голову на бок и вопросительно уставилась на именинника.

– Царь, кто же еще? – улыбнулся Алик и обвел друзей взглядом. – Возражения есть?

– Нет, – нестройным хором протянули остальные.

– Алика на царство! – выкрикнул Борис.

– Значит, ты царь и можешь делать все, что хочешь, – разрешила девочка, порылась в сумочке и вручила ему круглый значок с надписью: «Идите нафиг. Я – царь».

Борис присвистнул и с наигранным восторгом сказал:

– Свезло тебе. Такой знак власти получил!

– У меня еще сокровища есть, – хитро улыбнулась девчушка и потрясла сумочкой. – Давайте играть дальше. На златом крыльце...

Вторым выбор пал на Бориса.

– Иди в царевичи, сын мой. Обещаю воспитывать тебя сурово, но справедливо и не пороть почем зря, – нарочито окая, произнес Алик.

– Нет уж, обойдусь без такого папаши. Лучше подамся в короли, – отказался Борис.

На этот раз девчушка достала из сумки не значок, а пятикопеечную монету старого образца из тех, что давно вышли из употребления.

– Это тебе богатство, – она протянула пятак Борису.

– А мне? Я же царь, – напомнил Алик.

– У тебя уже есть значок. Надо, чтобы всем досталось, – пояснила девочка.

– Почему всегда так получается, как царь, так бедный, а как король, так богатый? – притворно обиделся Алик.

– Зато ты все можешь, – утешила его малышка.

– А он?

– Он может купить, но не все.

– Ладно, согласен, – кивнул новоиспеченный царь.

– На золотом крыльце...

Указующий перст уперся в Валерку. Тот с видом шутивого превосходства посмотрел на Бориса.

– А я поэтом стану, чтоб некоторые не кивали мне на двояк за сочинение. А то, как денежки забрезжили, так и про творчество забыл? Придется мне Алику рекламки строчить, – поддел Валерка литератора.

Девчушка заглянула в сумочку, задумчиво наморщила нос, почесала коленку и только после этого достала звездочку, которая некогда красовалась на чьих-то погонах.

– Все, Квазимодо, ты попал! Носить тебе портянки и писать стихи в армейскую газету, – пошутил Алик.

– Нет, не так. Это же звезда, вы что, не понимаете? – возразила девочка.

– А при чем тут поэт? – спросил Валерка.

– Поэт это просто так говорится. А на самом деле ты будешь звездой.

Борис покровительственно похлопал Валерку по плечу.

– А чего, Квазимодо? Подавай опять во ВГИК. Сочинение напишешь на пятерку, к тому же в стихах, а потом станешь звездой.

– Вы не правильно играете. Не надо смеяться. Надо, чтобы все было по правде, – рассерженно топнула ногой девчушка.

Гриша присел перед ней на корточки и примирительно сказал:

– Хорошо, давай я буду героем.

– По правде? – Ангелина испытующе посмотрела ему в глаза.

– Конечно, по правде. Тем более что до сих пор мне никогда не доводилось быть героем, – с грустью признался Гриша.

Девочка просияла и достала из сумочки оловянного рыцаря.

– Это тебе.

Она обвела всех взглядом императрицы и погрозила пальчиком:

– И смотрите, ничего не потеряйте. Иначе поломаете игру и ничего не получится.

– Все сохраним в лучшем виде, – Алик взял под козырек и, выпатив грудь, продемонстрировал приколотый к футболке значок.

– То-то же. Смотрите мне, – лукаво улыбнулась девочка и покачала головой, как будто наставляла своих несмышленных кукол.

Вдруг она спохватилась:

– Ой, мне пора идти.

– Я тебя провожу, – вызвался Гриша.

– Не-а.

Девочка привычно мотнула головой. Спиральки кудряшек подпрыгнули. Ангелина развернулась и припустила прочь.

– Интересно, где ее мать и чем думает, когда отпускает дочь одну? – проворчал Валерка.

– Не волнуйся. Такая не пропадет. Забавная девчушка, – сказал Алик, глядя, как мелькает между деревьями ее белый сарафанчик.

Валерка покрутил в пальцах майорскую звездочку. Он не любил собирать хлам, но выбросить подарок рука не поднималась. Девчушка напомнила ему его самого в детстве. В том, как щедро она поделилась своими сокровищами, было что-то трогательное.

Борис машинально сунул монету в карман джинсов.

– Слышь, Борька, ты сегодня круто обогатился. Деньги к деньгам. Только столик занял, а тут еще привалило, – подтрунил над другом Алик.

– А чего? Начальный капитал. Не все же тебе быть богатеньким Буратино, – отшутился Борис.

Гриша молча спрятал оловянного рыцаря. Ему казалось, что игрушка принесет ему удачу. Он не страдал суеверием и скептически относился к приметам и талисманам, но приговор врачей не оставлял места для надежды, а когда больше не на что надеяться, человек начинает верить даже в глупые, несбыточные чудеса.

Глава 3

Правда жизни началась с самого утра. Отключили электричество, и в магазине, который Алик арендовал на строительном рынке, царил полумрак. Предполагалось, что днем можно обходиться без освещения. Так оно и было бы, если бы помещение не представляло собой узкую кишку. Свет в него проникал только через дверь, а в глубине приходилось продвигаться чуть ли не на ощупь. Впрочем, разглядывать особо было нечего. На стеллажах стояли банки с краской. Алик мог найти нужную даже впотьмах, а образцы можно было поднести к свету. Однако в полутемную лавку покупатели заходили неохотно, предпочитая отовариваться в более светлых и просторных магазинах. Алик их не винил. Покупатель становился все более избалованным.

Светки с утра не было. Она еще пару дней назад предупредила, что опоздает. В последнее время деваха совсем распоясалась. Когда она приехала из богом забытой молдавской деревни и околачивала пороги в поисках работы, Алик единственный взял ее без прописки. Тогда она была как безропотная овечка. А сейчас обжила, купила временную прописку, почувствовала себя столичной штучкой и вконец обнаглела. Впрочем, сегодня и одному здесь делать было нечего. Торговля не шла.

Несмотря на ранний час и распахнутую настежь дверь, в помещении стояла духота.

Алик вышел на порог. Серега, хозяин соседнего магазина, торгующего обоями, лениво затягивался сигаретой. От жары его жиденькие седые волосенки прилипли ко лбу, но он все же не пожелал расстаться с неизменным жилетом со множеством карманов, сшитом из камуфляжной ткани. Сереге было за пятьдесят. У них с женой был чисто семейный бизнес. Они никого не нанимали и торговали сами.

– А, культурист, объявился, – приветствовал Алика сосед.

Летом Алик предпочитал носить открытые майки, чтобы лишний раз пощеголять накачанными мышцами.

Они обменялись рукопожатиями.

– Вот гады, опять обесточили. А деньги за аренду лупят будь здоров. Чего будешь делать?

Серега бросил окурочек на землю и с силой вдавил его подошвой, как будто хотел на нем выместить зло.

– А что тут поделаешь? Надо ждать. Электричество скоро дадут. Не оставят же они всех без света на сутки, – пожал плечами Алик.

– Я не про свет. Я про аренду.

– А что с арендой?

– Ты чего, не в курсах? Нас же отсюда выпирают.

– Как выпирают? У меня договор истекает только через пять месяцев.

– Им наложить на твой договор и подтереться. Вчера объявили, что будут делать реконструкцию. Ты как с луны свалился.

– Меня вчера не было.

– Значит, ночь спал спокойно. Докладываю: торгуем до конца месяца, а потом извольте подвинуться.

– Нельзя же так с бухты-барахты...

– У нас все можно. Знаем мы их реконструкции. Запродадут торговые места черным. С них можно больше поиметь, чем с нас.

– А к начальству кто-нибудь ходил? – поинтересовался Алик.

– А то нет! Я думаю насчет электричества – это они нарочно вырубili, чтоб показать, мол, реконструкция нужна. Все, мол, старье, будем делать новое. Да чего они там будут делать?

Для виду покопаются, пару перегородок переставят, чтоб потом аренду поднять. А не хочешь платить больше, пошел вон.

Новость огорошила Алика. У него возникло желание тотчас пойти к хозяину рынка, но как назло Светки не было. Не оставлять же магазин без присмотра. Алик в пол-уха слушал стенания Сереги. Тот жаловался всегда, поэтому можно было особо не вникать. Сейчас важно было в первую очередь позаботиться о себе. Конечно, у него договор. Можно качать права, но, как говорится, закон, что дышло. У кого больше денег, тот и прав.

Алик вернулся в лавку и плюхнулся на стул. Почему всего приходится добиваться тяжким трудом? Стоит вздохнуть полной грудью, как тебе обязательно дадут под дых, чтоб жизнь медом не казалась. Только он стал разворачиваться, даже собирался нанять еще одного продавца, чтобы не торчать целый день на рынке, а почувствовать себя боссом, и на тебе! Если арендная плата повысится, о расширении придется забыть. Опять везде самому – и у прилавка, и на закупках, и на развозе.

Взгляд упал на лежавшую на столе книгу «Как заработать миллион». «Заработаешь тут», – хмыкнул Алик. У них за границей все просто: настройся на положительный лад, гляди веселей – и деньги рекой потекут. Фига лысого они потекут. Попробуй тут настроиться позитивно, когда что ни день какой-нибудь пень с бугра свои законы придумывает. Где же Светку, заразу, носит?

Светка явилась к двум часам.

– Ну ты не торопишься, – осуждающе заметил Алик.

Вместо того чтобы зашебетать что-то в свое оправдание, Светка нагло посмотрела на него и заявила:

– Я у тебя последние две недели работаю.

– То есть как это? – опешил Алик.

Оказалось, что неприятности еще только начинаются.

– А вот так, – с вызовом подбоченилась Светка. – Перехожу в другое место.

– Интересно, куда же это ты наострилась?

– На продуктовый рынок. Сыр продавать. Надоело банки с краской таскать. Я не верблюд.

Светкино решение было ударом ниже пояса. За две недели хорошего продавца не найдешь, тем более в самый сезон.

– Ты головой-то своей хорошо подумала? Здесь ты в отдельном магазине. Сидишь, как королева. А там целый день на ногах.

– Ну и что ж, что в отдельном? Торчу тут как сыч. А там у меня подружка работает. Она меня давно зовет. И платят там больше.

Алик медленно вскипал, но внешне старался сохранить спокойствие. Вот тебе и положительный настрой к ядрене фене.

– Ты не могла мне об этом раньше сказать?

– А то я тебе не говорила. Я тебе все время твержу, что уйду.

Когда Светка на что-нибудь обижалась, она любила пригрозить, что все бросит, но Алик никогда не принимал ее слова всерьез, как, впрочем, и сама Светка. Это было нечто вроде игры.

– А другое время ты выбрать не могла? Именно сейчас, в разгар сезона, когда с арендой неизвестно что... – с осуждением сказал Алик.

– А с какой стати мне о тебе париться? Ты мне ни сват ни брат, – помощница обиженно поджала губы.

Алик понял, откуда ветер дует. Светка уже давно крутилась ужом, чтобы узаконить их отношения, а теперь решила, что настал момент брать быка за рога. А может быть, она узнала про Ольгу? Хотя вряд ли. В любом случае, не на того быка напала. Жениться на Светке он не собирался. Таких Светок на улице миллион. На каждой не женишься.

– Что, уж замуж не терпеж? – усмехнулся Алик.

Светка сделала вид, что оглохла.

– Скажи спасибо, что я две недели у тебя отбатарчу, как положено. А то взяла бы больничный, и поминай как звали, – язвительно произнесла она и потянулась, нарочито обнажив пупок.

Судя по всему, Светка полагала, что жировой валик, нависающий над поясом джинсов, которые она неизменно брала на размер меньше, выглядит эротично. Как по заказу, дали электричество. При искусственном освещении туго обтянутые ляжки и рыхлый целлюлитный живот помощницы вызвали у Алика отвращение.

Светка кивнула на книжку и усмехнулась:

– Когда станешь миллионером, зови. А то глаза ломаешь, и все без толку.

Алик собирался высказать Светке все, что о ней думает, и поставить зарвавшуюся девицу на место, но вошел покупатель, и резкие слова, готовые сорваться с языка, пришлось придержать.

– Иди, выполняй свои обязанности, пока еще здесь работаешь, – кивнул ей Алик.

Покачивая бедрами, Светка подошла к покупателю и принялась рассказывать о преимуществах тех или иных видов красок. Алик мрачно поглядел на книгу, как будто именно она была виновна во всех его бедах.

«Как заработать миллион» – чисто насмешка. Пошли бы все эти писаки с их дурацкими советами подальше. Лучше бы подсказали конкретно, что делать в такой ситуации. Уход помощницы означал пахоту – все лето, без выходных. При таком раскладе даже замену искать некогда. Интересно, что на этот счет скажет «умная» книжка? Как заставить Светку передумать?

Алик со злорадством открыл книгу наобум, чтобышний раз убедиться, что в условиях России вся эта литература – макулатура, не больше.

«Делайте людям мысленные подарки».

От такого совета у Алика аж скулу судорогой свело. Не подарок Светке нужен, а встряхнуть ее, как следует, чтобы вспомнила, как подобрал ее, жалкую, бездомную и безработную.

Светка обхаживала посетителя. Надо сказать, это она умеет. Вцепится, что тебе бультерьер. Кому чего не надо – и то купят. Груженный банками с краской покупатель вышел из магазина. Стоило ему переступить порог, как улыбка слиняла со Светкиного лица. Насупившись и всем своим видом показывая, что Алик не относится к тем, на кого она готова растрачивать улыбки, Светка плюхнулась на стул.

«А на-ка, выкуси», – подумал Алик и представил, как дарит ей букетище роз. – «Ну, зараза, что ты на это скажешь?»

Светка ничего не сказала. Она достала из сумки свежий номер «ТВ-парка» и с угрюмым видом погрузилась в разглядывание картинок.

«Как и следовало ожидать, – мрачно размышлял Алик. – Это у них в Америке виртуальные подарки катят, а у нас народ предпочитает конкретную коробку конфет, и чем больше, тем лучше. И без всяких фиглей-миглей, типа «делайте подарки искренне, от всего сердца».

От всего сердца он бы Светку сейчас придушил.

Постепенно злость перекипела. *В общем-то, со Светкой работалось неплохо. Скорее всего, черная кошка пробежала между ними из-за Ольги или из-за Таньки. В любом случае, он ей с самого начала ничего не обещал. Не его вина, что дуреха размечталась о марше Мендельсона. Еще не родилась телка, ради которой он поступится своей холостяцкой свободой. Впрочем, он кривил душой. Ингу он бы хоть завтра повел под венец, но она была уже занята.*

Алик искоса взглянул на Светку. Та молчала, уткнувшись в журнал. От нечего делать Алик снова протянул ей мысленный букет. На этот раз он постарался сделать это со всей искренностью, на какую был способен.

Светка поерзала на стуле и подняла глаза:

– Ну что ты на меня смотришь? Алик, я же не свинья, но там подружка... Она меня давно зовет.

В голосе помощницы звучали нотки вины. То ли букет подействовал, то ли Светка поняла, что перегнула палку, однако гонора у нее поубавилось.

– Мне тебя будет не хватать, – сказал Алик и добавил к букету коробку зефира в шоколаде, за который Светка готова была душу заложить.

«Останься», – мысленно приказал он.

Сейчас, когда, возможно, придется переезжать на новое место, ему как никогда нужна была ее поддержка.

Неожиданно на глаза у Светки навернулись слезы.

– Ладно. Не уйду, – хлюпая носом, сказала она.

От прежней нахальной девицы не осталось и следа.

– Я не смогу прибавить тебе зарплату. Поднимают аренду, – сказал Алик.

– Веревки ты из меня вьешь, – покачала головой Светка.

– Значит, остаешься?

– Куда я без тебя?

Светка громко высморкалась в бумажный платок.

– Я этого никогда не забуду, – просиял Алик и за подбородок повернул ее к себе лицом. Светка подалась к Алику, но он помотал головой.

– Не в служебное время. Посиди, а я схожу в дирекцию. Узнаю, что они там себе думают.

– Иди уж, – милостиво согласилась Светка.

Одной проблемой стало меньше. Порой книжки дают дельные советы. Пожалуй, к ним стоит прибегать почаще.

Алик поспешил к корпусу, где размещалось начальство.

Вазген Багаршакович, директор рынка и по существу его единовластный хозяин, посетителей не принимал. В предбаннике сидели человек пять желающих получить аудиенцию, но секретарша стойко держала оборону. Просители расходиться не собирались. Они настроились на долгую осаду и терпеливо ждали, когда большой начальник выйдет из кабинета.

Алик с порога оценил обстановку: уйти или присоединиться к ожидающим? С одной стороны, рано или поздно нужда выгонит Багаршаковича с безопасной территории. Физиология – вещь серьезная. Без еды можно прожить месяц, а то и больше. Без воды – три дня, а без сортира, извините, и дня не протянешь. Но, с другой стороны, когда человек душой и телом устремлен в заветный уголок с надписью «WC», вести с ним переговоры довольно трудно. Правда, имелся третий вариант: прорваться сразу.

– У себя? – спросил Алик у секретарши, изобразив свою фирменную улыбку: «а ты ничего себе, киска».

«Киске» уже перевалило за сорок, и даже в свои лучшие годы красотой она не блистала. А теперь так просто походила на старую дракониху. Пройти фейсконтроль у жены Вазгена Багаршаковича могла только такая мымра.

Не оценив обаяния Алика, хранительница директорского покоя мрачно произнесла:

– Что за люди? Говорю же, он никого не принимает.

– А за чем очередь? – поинтересовался Алик.

– Сами не знают, чего ждут, – сердито буркнула дракониха.

Лязг зубов и пускание дыма из ноздрей Алика не смутили. Сегодняшние неурядицы так достали его, что он устал тревожиться и чувствовал странную смесь злости, бесшабашности и веселья.

– Я пройду, – просто сказал он, глядя секретарше в глаза.

К его удивлению, она кивнула. Алик направился к заветной двери. За спиной поднялся возмущенный ропот:

– Эй, ты куда? Тут все ждут.

Алик обернулся, готовый дать отпор. «Сидеть. И ни звука», – мелькнуло в голове. И тут случилось чудо. Все покорно умолкли и вернулись на свои места.

Алик был так возбужден, что не придавал этому значения. Единственное, чего он хотел, так это внести ясность и добиться, чтобы плата за аренду осталась прежней.

– Я велел никого не впускать, – недовольно прикрикнул Вазген Багаршакович при виде посетителя.

– А я вошел. И если это случилось, мы могли бы поговорить, как человек с человеком, – сказал Алик, сам не понимая, откуда в нем берется такое нахальство.

Ему было нечего терять. В худшем случае придется искать закуток на другом рынке. В конце концов, мест под солнцем сколько угодно. Главное, выбрать свое.

Опешивший от такой наглости, директор побагровел, вскочил с кресла и указал на дверь:

– Слушай, вали отсюда! Русский слова не понимаешь, маму твою!

Алик взвился. Что же это происходит? Куда ни сунься, всюду верховодят хачи! Наши ребята в предбаннике жмутся, а эта волосатая морда по-русски через пень колоду говорит – и будет еще его маму поминать?

– Сидеть, – рявкнул Алик.

Багаршакович плюхнулся в кресло и присмирел. Его неожиданная кротость только сильнее распалила Алика. Он ощущал в себе невероятную силу, почти могущество. Хозяин рынка вдруг представился ему мелким жучком: наступить на такого – останется мокрое место. Алик мысленно занес над ним ногу в огромном ботинке.

Вазген Багаршакович вдруг жалко залепетал:

– Не сердись, дорогой. Один-два месяца – все готово будет. Лучше будет.

– А два месяца в сезон я должен бамбук курить? У меня договор об аренде истекает через пять месяцев, – перебил его Алик.

– Новый подпишем. Слово даю. Приходи потом.

Метаморфоза, произошедшая с Вазгеном, не укладывалась в рамки здравого смысла. Гроза рынка давно усвоил, что на работе гораздо доходчивее изъясняться не иначе как матом и криком. А тут вдруг сник и, как загипнотизированный, внимал Алику, пока тот отчитывал его, будто нашкодившего пацана:

– Потом суп с котом. Договор подпишем сейчас. На тех же условиях.

– Бланк нужен, – кивнул Вазген.

Воодушевленный его сговорчивостью Алик решил гнуть до конца:

– И переезд в новое помещение сразу, пока эта байда идет. Простой в мои планы не входит.

Багаршакович нажал на кнопку вызова секретарши, отдал указания и продолжал взирать на посетителя глазами дрессированной болонки.

В венах у Алика кипел адреналин. Теперь ему казалось странным, что Багаршакович вызывал у народа благоговейный страх. Достаточно было стукнуть кулаком по столу, как тот стал тише воды, ниже травы. Стоит проявить твердость, и из него можно лепить все что угодно. Колосс из необожженной глины.

В ожидании бумаг они сидели молча. Алика мучила жажда. Через десять минут дракониха принесла отпечатанные листы.

«Еще бы стакан водички», – подумал Алик, но высказывать свою мысль вслух не стал. Не стоило испытывать предел директорского терпения. Он и так уже превысил все допустимые нормы нахальства.

Через минуту секретарша вернулась с запотевшим стаканом воды и поставила его перед посетителем. Алик так онемел от удивления, что забыл и про жажду, и про слова благодарности.

«Она что, мысли читает?» – подумал он, проводив секретаршу взглядом.

Алик победителем шествовал по торговым рядам к своему магазинчику. Все складывалось даже лучше, чем он ожидал. Ему выделили более удобное и просторное место за ту же плату. Переезжать он мог хоть завтра. Но, несмотря на такой удачный итог переговоров, он испытывал не столько радость, сколько смятение. В происходящем было что-то противоестественное.

Отчего вдруг Багаршакович стал таким покладистым? Всем известно, что он крохобор и жмот без стыда и совести. А тут без единого возражения согласился на все требования. Может, договор недействительный? Типа, подписан ручкой из магазина приколов, и к вечеру чернила испарятся. Но с чего бы Вазген стал ваньку ломать? Чай, не первое апреля. И на шутника он не тянет.

Но больше всего Алика потряс стакан воды. Совпадение? Или дракониха в самом деле телепат?

Глава 4

Грохот и смачная тирада, одобренная рвущимися из души исконно народными словами, вырвали Бориса из сна. С трудом разлепив веки, он посмотрел на часы и застонал. Еще не было десяти. Встать в такую рань для него было равносильно подвигу. Борис накрыл голову подушкой и попытался вернуться к прерванному сновидению, но это оказалась не лучшей идеей. В комнате и без того стояла духота. Жара держалась уже больше двух недель. Раскаленный город не успевал остыть за ночь.

Борис взмок и почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он отбросил подушку и сел. Сон окончательно улетучился, оставив в голове тяжесть и тупую боль – напоминание о вчерашнем дне рождения. Хотелось пить. От сухости язык распух и прилип к небу.

Борис спустил ноги на пол и, не глядя, пошарил рукой в поисках бутылки пепси, которую накануне поставил на пол возле дивана. Напитка в ней оказалось на доньшке. Запрокинув голову, Борис вылил остатки жидкости в рот. Теплая пепси не утолила жажды, а только вызвала легкую тошноту.

Между тем баталия за стеной продолжалась. Раздался топот, глухой удар и снова замысловатая игра слов, когда-то считавшихся непечатными. Отличный аккомпанемент для утренней побудки, особенно если накануне лег в четыре часа. Вот так русский писатель получает зарядку бодрости на весь день. Борис понял, что поспать сегодня больше не удастся.

Скандалы случались нечасто – только когда Ивану удавалось разжиться бутылкой. В другое время соседи вели себя тихо и не докучали. Более того, время от времени Люба подкармливала Бориса: то нальет тарелку борща, то угостит горячими пирожками из духовки.

Лет пять назад Люба с Иваном приехали на подработки из Чувашии, устроились дворниками и незаметно осели в Москве. Ширококостная грудастая Люба была воплощением идеала соцреализма. Крепкая и работящая, она тянула на себе три участка и вдобавок мыла полы в ближайшем универсаме. Рядом с ней Иван выглядел пигмеем. Жилистый и сутулый, он был чуть ли не на полголовы ниже своей крупногабаритной супруги. В отличие от жены говорил тихо и мало, стараясь не привлекать к себе внимания. Иван был мастером на все руки и мог бы найти более подходящую работу, нежели уборка мусора, если бы не безграничная любовь к зеленому змию. Зная о слабости мужа, Люба держала его на коротком поводке и без надобности из поля зрения не выпускала.

И все же случалось, Иван изыскивал возможность отдать должное своей страсти и срывался с привязи. В такие дни Люба преображалась. Из рассудительной, домовитой бабы она превращалась в беспощадную фурию, колотила мужа всем, что под руку попадет, и во время баталий обнаруживала такую глубину знаний лексики родного языка, что литераторам и не снилась. Иван каялся и на какое-то время становился трезвенником, а потом история неизменно повторялась.

Борис поднялся с дивана и несколько раз двинул кулаком в стену. Наступило затишье, а потом послышался громогласный окрик Любы:

– Ты куда это, паразит? Ишь, угрем выскользнул. А ну подь сюда, упырь...

Красочный эпитет, который последовал дальше, был в своем роде неологизмом. Борис в восхищении цокнул языком. До чего же велик и могуч русский язык! Черпая лексическое богатство из перепалок соседей, он мог бы шутя написать смачный роман, но сейчас этим уже никого не удивишь. Сорокин и Алешковский сняли с народного языка все пенки, и теперь ненормативную лексику вставляет в тексты всякий, кому не лень.

Борис натянул звездно-полосатые шорты, которые Инга привезла ему из Штатов, и вышел в общий коридор. Возле запертого санузда стояла на страже Люба со сковородой. Вид у нее был воинственный, как у ратника перед битвой на Чудском озере: крушить и топить.

– Люб, мне бы умыться, – сказал Борис.

– Так я ж рази против? Это вон окопался, жук навозный. – Люба стукнула кулаком в дверь. – Слышал, ирод? А ну выходи! Чтоб тебе изо всех дыр повылезало, обносок.

В ванной стояла абсолютная тишина. Люба снова забарабанила в дверь кулаком.

– Выходи, кому говорю! Вурдалак помойный. Сколько ты моей кровушки попил! Пришибу гада!

Борис понял, что при таком раскладе Иван вряд ли сдаст оборону. Пока жена не уйдет на работу, он из ванной носа не высунет. Без душа Борис мог бы обойтись, но поскольку санузел был совмещенным, требовалось принять срочные меры.

– Иван, освободи туалет, – попросил Борис.

– Пушай она уйдет, – донеслось из-за двери.

– Ща, уйду я тебе. Разбежалася, – воинственно подбоченилась Люба.

– Борь, зашибет ведь, – пожаловался Иван.

– Люб, может, пощадишь? Можно прожить без многого, но без уборной... – Борис развел руками. – Разберитесь уж как-нибудь.

Люба вдруг сникла. На глазах у нее выступили слезы.

– Так ведь как с ним, гадом, разберешься? Уже и зашивали. Терпел какое-то время, а потом опять за бутылку. И зашивка его не берет. Чтоб ты окочурился, паразит! – сердито выкрикнула Люба, напоследок саданув кулаком по двери, и уже без прежней злости скомандовала: – Выходи. Не хватало соседям из-за тебя, засранца, неудобства терпеть.

– Дратся не будешь? – с опаской спросил Иван.

– Выходи уж, обмылок.

Иван осторожно приоткрыл дверь и выглянул в щель. Видя, что супружница сменила гнев на милость, он рискнул выйти. На лице его было написано величайшее смирение. Втянув голову в плечи, он с видом вселенской покорности потрусил в свою комнату.

Стоя под душем, Борис думал, что хорошо бы иметь отдельную квартиру, как у Алика. *Вот у кого жизнь распланирована на годы вперед. Алик всегда знал, чего хочет и, как бизон, напролом двигался к цели. Уже сейчас у него есть бизнес, пусть маленький, но свой и стабильный. И нашел ведь людей, которые на него паирут: одна девчонка бухгалтерию ведет, другая за прилавком торгует – все как положено. Сам себе хозяин. Это не то что рыскать в поисках заказа и кропать статьи, которые в лучшем случае пробегут глазами, а в худшем просто пролистают. Хорошо еще, если имя автора укажут, а то и вовсе печатают анонимно.*

Рассуждения неминуемо привели Бориса к неутешительной мысли, что к завтрашнему дню он должен сдать рекламник про путешествие на Сейшельские острова, а у него еще конь не валялся. И без того поганое настроение упало ниже некуда. Работенка была несложная и выеденного яйца не стоила, но он уже неделю не мог заставить себя за нее сесть. *Почему творческий человек должен работать под заказ? В нынешнем мире, где правит бал мамона, не осталось места вдохновению. Вот послать бы всех этих редакторов с их гламурными журнальчиками куда подальше и сесть за роман.*

Борис открыл холодильник и тотчас понял, что идею о книге века придется отложить до лучших времен. Из провизии у него осталось полбатона хлеба, купленного еще позавчера, и сиротливый кусок сыра, скукожившийся, то ли от одиночества, то ли со стыда за пустоту полок. Борис выскреб из банки остатки кофе и поставил турку на плиту.

Соседи утихомирились. В квартире воцарился покой. Люба ушла наводить порядок во дворах столицы, а Иван завалился отсыпаться. Самое время сесть за письменный стол. Правда, Борис предпочитал работать по ночам, но откладывать дальше было некуда. Лучше уж отвяжаться с утра, чтобы ненавистная статья не висела на нем целый день.

Борис поставил дымящуюся чашку кофе на стол и включил компьютер. В правом нижнем углу экрана мелькал конвертик: «В вашей почте 12 неп прочитанных писем». Искушение

посмотреть, нет ли там чего интересного, было велико, но накануне Борис дал себе обещание не заходить в почту, пока не сделает хоть что-то по работе. Любопытство вступило в противоборство с чувством долга. Чтобы укрепить себя в добрых намерениях, Борис вслух произнес:

– Спам, спам, спам. На девяносто процентов.

«А вдруг в десяти процентах окажется что-то стоящее?» – гаденько провоцировал внутренний голос.

Несколько мгновений Борис боролся с желанием заглянуть в почту, а потом набрал в Яндексе: «Сейшельские острова фото».

Перед глазами замелькали слайды. Наверное, так выглядит рай. Пронзительно бирюзовое море. Пляжи с белоснежным песком. Манящие шезлонги под опахалами пальм. Живописные бунгалы, обставленные внутри с учетом вкусов самых придирчивых клиентов. Это был мир за пределами мечтаний, но ведь кто-то действительно там отдыхает, ест омаров и устриц, пьет экзотические коктейли. Для кого-то Сейшелы – место очередного отпуска. А для кого-то – десять тысяч знаков с пробелами.

Вдохновение резко упало, как столбик термометра, засунутого в морозилку. При нынешних гонорах Борису не светило пожить на Сейшелах даже в клоповнике.

Он покинул Яндекс и зашел в почту. Слева от «Входящих» возник зомби в боксерских перчатках с предложением «Сразись». Борис кликнул по нему курсором, и пошла молотилка. Поначалу монстру удалось пойти в нападение, но это только раззадорило Бориса. На зомби посыпались быстрые и расчетливые удары. Борис мутузил противника, как будто хотел отыграться на нем за безденежье, отсутствие перспектив и серый быт. Наконец зомби рухнул. Один – ноль, с удовлетворением констатировал победитель.

Настроение несколько улучшилось. Хвала тем, кто придумал тупые игры. Подубасишь чудиков, оттянешься, и жить становится легче.

Борис пробежался по списку новых писем, по ходу дела удаляя спам.

Пара сообщений из Facebook. Ваши фото оценили... Delete.

Какой-то чувак выложил прикольное видео. Похихикав, Борис отослал ссылку Алику и Гришане.

Действия ваших друзей в «Моем Мире». Извечная чепуха: кто-то приобрел новых друзей, кто-то добавил пару своих фоток. Delete.

«Предложение дружбы». Имя ему ничего не говорило. Заинтригованный, он нажал на незнакомую аватарку. Очередная ночная бабочка мечтает хорошо провести время. Delete.

Buruki. Выгодные предложения на авиаперелеты. Инга подписалась на эту рассылку с его адреса. А на кой ему это? Как будто он может даже со скидкой выложить шестьсот девяносто пять евро за полет до Сейшел. Опять эти Сейшелы! Delete.

А это что за шняга? «Поздравляем, вы стали победителем лотереи. Ваш выигрыш составил один миллион долларов. Пожалуйста, пришлите номер банковского счета или счета в системе веб-мани, на который будут переведены деньги».

«Очередной розыгрыш для идиотов», – подумал Борис и уже хотел нажать Delete, но на мгновение задержался. Интернет кишел посланиями коронованных особ в изгнании и наследников миллиардеров, которые сулили большой куш тем, кто поможет им получить причитающееся наследство. Все они просили сделать лишь незначительный вклад. Если находился достаточно доверчивый и жадный лопух, чтобы пойматься на эту удочку, мошенники исчезали, а лох получал за свои деньги неплохой жизненный урок. В этом письме была задействована какая-то новая схема. Никакого взноса не требовалось. На первый взгляд, деньги давались просто так, за здорово живешь.

Борис попытался догадаться, в чем кроется суть аферы, но скоро сдался. Однако любопытство подтолкнуло его включиться в игру. Кто знает, может быть, это пригодится ему для нового романа. В любом случае, он ничего не терял. Номер его виртуального счета – инфор-

мания не секретная. Если бы даже какой-то чудаков собрался его крэкнуть, то облысел бы от разочарования. Обычно на счете лежало десять рублей – минимальная сумма, чтобы его не закрывать. Все поступления изымались немедленно.

Борис отослал номер счета, а заодно проверил его состояние на сегодняшний день. Интернет-журнал прислал полторы тысячи рублей за последнюю статью.

– Йес! Жизнь продолжается! – воскликнул Борис.

Больше непрочитанных писем не осталось. Пора было браться за работу. Борис создал новый файл.

«Сейшельские острова – рай на земле!» – напечатал он и уставился на экран. Вместо ненавистной статьи в голову лезли мысли о том, какой мишурой ему приходится заниматься. Думал ли он, поступая в Литинститут, что по окончании вуза будет кропать грошовые статьи! На творческих семинарах они все ощущали себя потенциальными гениями, признанными расшевелить и двинуть вперед русскую литературу. А в результате разбрелись кто куда: в газеты, в Интернет-журналы – благо их расплодилось, что грибов.

Только у Машки Разиной вышла пара детективов, но ей не приходится вкалывать за копейки. У нее муж добытчик, она может погрузиться в творчество и делать себе имя. Еще повезло Пашке Бойко – пролез на телевидение писать сценарии сериалов. Работенка не пыльная и платят прилично. Но он всегда был пронырой, под стать фамилии. Кирилл Шапошников устроился дворником в альма-матер, так сказать, поближе к литературе. Впрочем, не такая плохая мысль: найти местечко дворника или ночного сторожа. Деньги те же, что и за работу фрилансером, зато регулярно и не высасывает все соки. После журнальной писанины вообще за стол садиться не хочется. Однако надо.

Организм требовал новой дозы кофеина. Борис взял грязную чашку и отправился на кухню, но вспомнил, что кофе закончился. Он заглянул в пустую банку и на всякий случай потряс ею, но по сусекам ничего не наскреблось. Борис со вздохом отправил банку в мусорное ведро. Вот так всегда: стоит вознамериться с утра посвятить себя работе, как обязательно что-нибудь помешает.

В кармане джинсов должна лежать пятисотенная, которую он накануне стрельнул у Алика. Значит, сначала в магазин за кофе, а потом в банк, обналить виртуальные деньги.

Борис стал рыскать по комнате в поисках штанов, но те куда-то запропастились. К приезду Инги надо бы прибраться: она сдвинута на порядке. Однако не такой уж у него бедлам, чтобы потерять джинсы. Это ведь не иголка в стоге сена. Накануне перед сном он принимал душ. Может, джинсы там?

Пропажа нашлась на крючке в ванной, однако карманы были пустыми, как деньрожденный горшок Вини-Пуха. Деньги исчезли, если не считать потертой пятикопеечной монеты старого образца, которая застряла в складках подкладки. На краешке ванной рядом с шампунем лежал его кошелек. Борис точно помнил, что не вытаскивал его. К тому же зачем было оставлять бумажник в ванной. И тут его осенило, где сосед мог разжиться бутылкой.

– Вот сволочь! – в ярости воскликнул Борис.

Знать бы на какие шиши гулял этот забулдыга, он бы его самолично прибил, а не защищал перед Любаней. Борис без церемоний ворвался в комнату соседей и растолкал спящего Ивана. Тот ошалело смотрел мутными глазами, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Это ты взял у меня деньги?

Борис грубо потрянул соседа за грудки.

На лице Ивана отразилось полное непонимание и отрешенность от брэнного мира. Он промямлил что-то нечленораздельное и снова закрыл глаза.

Разумнее всего было бы отложить выяснение отношений до тех пор, пока сосед не придет в себя, но Борис закусил удила. Он схватил с подоконника бутылку воды для полива цветов и щедро плеснул из нее на спящего. На этот раз Иван всхлипнул и пробудился.

- Где мои деньги? – спросил разъяренный Борис.
- Какие деньги? – невинно поинтересовался Иван.
- Пять сотен. Ты зачем взял кошелек?

Во взгляде соседа читалась тяжелая работа мысли. Наконец до него дошла суть вопроса, и он пролепетал:

- Я не брал.
- Врешь! – отрезал Борис.
- Чесслово! Он на полу лежал.
- Даже если на полу. Какого хрена ты достал оттуда деньги?
- Я отдам. Ты ж знаешь, я всегда отдаю, – миролюбиво улыбнулся Иван.
- Любаша твоя отдает, а не ты, – язвительно процедил Борис.

Он швырнул Ивана на кровать, развернулся и, хлопнув дверью, вышел из комнаты. Разговаривать с пьянчужой, пока тот не проспится, было бесполезно. К тому времени, как Борис покинул комнату, сосед уже крепко спал.

Глава 5

В банке было полно народу. Борис недовольно поморщился. Откуда столько бездельников? Будний день, и время еще не обеденное. Такое ощущение, что страна не работает.

Автомат выплюнул квиток с номерком. Борис сверился с табло. Еще ждать и ждать. Все стулья заняты. Некуда приткнуться. Хорошо еще, что кондиционер работает. Надо отдать должное банковским сотрудникам, они себя уважают. На улице жара, а тут микроклимат. И то сказать, походи-ка в такое пекло в удавке. Все в галстуках, как на приеме.

На мгновение Борис почувствовал себя неуютно. Его звездно-полосатые штаны и голые ноги в шлепанцах смотрелись здесь неуместно. «Надо было натянуть джинсы», – мелькнуло в голове и тотчас уступило место более трезвой мысли: к чему париться по пустякам? И так сойдет. Свои полторы тысячи он мог и в трусах забрать. Скорей бы уж. Голова раскалывалась. Нужно было срочно глотнуть кофе.

На табло замелькало: «В 31». Борис подскочил к стойке.

– Мне деньги обналичить, – сказал он и привычно сунул операционистке паспорт.

Процедура была отлажена до автоматизма, но сегодня в программе почему-то произошел сбой. Девушка сверилась по компьютеру и посмотрела на Бориса как-то странно.

– Сколько? – спросила она.

– Все, – выпалил Борис и добавил: – В смысле, десять рублей оставьте на счете.

Девушка издала нервный смешок.

– Боюсь, это невозможно.

– Почему? – искренне изумился Борис.

– Подождите, пожалуйста, минутку, – попросила девушка, встала и удалилась за дверь.

В ожидании Борис нервно постукивал пальцами по стойке. Чего проще, отдать человеку причитающиеся ему полторы тысячи? Может, в журнале что-то напутали? А что если ему сейчас деньги не выдадут? И еще Иван спер пять сотен. Вот непруха. Как же быть? Где достать кофе?

На крайний случай можно было стрелкнуть у родителей, хотя он не любил к ним обращаться. Они, конечно, не откажут, но у него своя гордость. Взрослый мужик должен сам себя обеспечивать. Мать заведет вечную песню, что ему надо устроиться на нормальную работу. А где ее взять, нормальную? Просиживать штаны с девяти до шести? Шиза! И это считается нормой. Пусть лучше предки думают, что он в шоколаде.

Однако девушка задерживалась. Раздражение Бориса нарастало.

Наконец операционистка вернулась, но не одна. С ней явился дядечка при галстукке и пивном животике.

– В чем дело? – спросил Борис, не пряча своего недовольства.

– Простите, я правильно понял, вы хотите снять всю сумму, которая вам сегодня поступила? – спросил дядечка, излучая услужливость и доброжелательность.

– Да. А что, нельзя? – вскинулся Борис.

В душе зрела злость. Что эти банковские стручки себе воображают? Думают, если он в шортах, так его можно унижать?

Между тем служащий был сама невозмутимость.

– Вы не могли бы немного подождать? Нам нужно кое-что проверить, – попросил он.

– Я и так уже полчаса жду. У меня голова раскалывается! – возмутился Борис.

– Простите за неудобство. Будьте любезны, пройдите в мой кабинет. Я попрошу, чтобы вам принесли таблетку аспирина, – предложил служащий.

– Лучше бы чашку кофе, – язвительно сказал Борис.

– Черный или со сливками? – уточнил служащий банка, провожая Бориса в кабинет.

Начинающий писатель опешил от такой предупредительности. Что это? Сон? Или он спятил? Прежде банкиры не поили его кофе. Но уж если пошла такая масть, то почему бы не выпить на дармовщинку.

– Эспresso, – сказал он и добавил: – Двойной.

– Мила, разберитесь, – бросил толстячок секретарше и с улыбкой повернулся к посетителю: – Сейчас вам все принесут. Если позволите, я ненадолго вас оставлю.

Борис опустился в кресло возле журнального столика. В мыслях была чехарда. С чего это вдруг в банке так расщедрились? Кофе, да еще на выбор. Что случилось? Не нравилась ему эта чиновничья вежливость. Наверняка со счетом какие-то проблемы. Но какие? Он уже тысячу лет сотрудничает с этим Интернет-журналом, всегда все было четко. Прислали деньги в виртуальный кошелек – обналичил. Никаких заморочек. Собственно говоря, если у них какие-то проблемы, то он-то тут при чем? Он вообще не в курсе.

Кожаное кресло уютно обнимало тело. Несмотря на кондиционер, зад взмок. Борис представил себя со стороны. Чувак в майке и бермудах, похожих на семейные трусы по колено, в данном антураже выглядел карикатурно. Он невольно улыбнулся, успокоился и решил получать удовольствие от жизни.

Напротив него на стене висела картина «Московский Кремль» из кристаллов Сваровски. Вещь абсолютно бесполезная. Такую только в офисе вешать, чтоб всяк приходящий сюда видел, что хозяин кабинета может кучу бабок спустить в мусоропровод.

Миловидная девушка внесла поднос с кофе, печеньем и шоколадками с логотипом банка. Борису все больше нравилось нынешнее приключение.

Кофе был сварен на славу: крепкий и в меру сладкий. Сделав несколько жадных глотков и утолив наркотическую тягу к бодрящему напитку, Борис отдал дань печению. Пока никто не видел, он сунул в задний карман штанов пару шоколадок. К тому времени как пришел управляющий, жизнь стала казаться Борису прекрасной и удивительной.

Улыбка банкира прямо-таки источала мед.

– Прошу прощения за ожидание.

– Все в порядке? – нагло спросил Борис.

– В общем да. Но почему вы хотите закрыть счет? Может, вас не устраивает процент? Мы могли бы пересмотреть условия.

– Почему вы решили, что я закрываю счет? Я оставляю десять рублей, – сказал Борис, недоумевая: неужели банк так держится за каждого клиента?

– Вы шутник, – улыбнулся управляющий так кисло, как будто положил в рот лимонную дольку.

– Вы мне прямо скажите: в чем дело? Я получу свои деньги? – снова забеспокоился Борис.

– К сожалению, мы не можем выплатить вам всю сумму сразу.

– Что, банк до такой степени обнищал? – возмутился Борис.

– Мы не держим столько наличности, – холод в голосе управляющего был сильнее, чем от кондиционера.

– Да что вы говорите! Я был о вашем учреждении лучшего мнения, – ехидно заметил Борис.

– Ни один банк не выдаст вам наличными шестьдесят пять миллионов рублей без предварительного заказа.

– Сколько?! Это ж миллион баксов!

Несмотря на то, что работал кондиционер, Борис взмок. Спина и зад приклеились к кожаному креслу. Это какая-то ошибка. А может, снять, сколько могут дать, а потом пусть разбираются? Нет, за такими деньгами наверняка стоят люди, которые его из-под земли выкопают и голову открутят.

Вдруг на ум пришло письмо из утренней почты: «Вы выиграли миллион долларов...» Но ведь это бред! Чушь собачья! Человек не может просто так выиграть миллион! И тем не менее, шестьдесят пять «лимонов» лежат в банке. Борис издал нервный смешок. Он попытался привести мысли в порядок. С этим нужно было что-то делать. Во всяком случае, забирать такие деньги он не собирался, даже если б дали. Не в полиэтиленовом же пакете их нести.

– Я оставляю... – голос у Бориса осип, так что ему пришлось прокашляться и начать снова: – Я оставляю вклад в вашем банке, и давайте пересмотрим условия договора.

– Прекрасно, – кивнул управляющий, и теплота снова вернулась в его голос. – Мы можем предложить вам...

Впервые в жизни Борис обсуждал финансовые дела не на уровне «дай сотню до получки». Он старался держаться с банкиром на равных, хотя в трусах это было сделать непросто. Прежде чем подписывать договор хорошо бы посоветоваться с Ингой или Аликом. Они больше сообщают в денежных вопросах.

– Подготовьте «рыбу» договора. На досуге я с ней ознакомлюсь, а сейчас я возьму десять, нет, двадцать тысяч рублей. Надеюсь, такая сумма у вас найдется? – с чувством собственного достоинства спросил Борис.

– Удачная шутка, – подобострастно улыбнулся управляющий.

– И еще чашку кофе, – попросил новоиспеченный богачей, окончательно войдя в роль миллионера.

На улице вся напыщенность и спесь с Бориса слетели, точно осенняя листва с деревьев. Он уже не мог сдерживать бурлящих в нем эмоций и шел, приплясывая, точно двоечник, впервые получивший пятерку. Он не обращал внимания на удивленные взгляды прохожих. Сегодня он мог себе это позволить. Он мог позволить себе все!

Бориса подмывало позвонить Инге и друзьям, но он сдержался. Лучше посмаковать новость и привыкнуть к ней. Он миллионер!!! Инга обалдеет.

Деньги жгли карман. Борис отправился в супермаркет. Прежде все его покупки умещались в корзинке, но сегодня он взял тележку. По такому случаю стоило устроить настоящий пир.

Кофе «Карт нуар». Впрочем, на кофе он никогда не экономил.

Красная рыба. Икра.

В колбасном отделе разбегались глаза. Борис выбрал несколько лоточков с нарезкой.

Банки с маслинами и оливками, помидоры в собственном соку...

Тележка быстро наполнялась. Борис ощущал могущество оттого что может позволить себе все и не смотрит на ценники. В хлебобулочном отделе он по привычке взял нарезной батон, но потом заменил его свежее выпеченной итальянской чабаттой.

Ряды красивых бутылок напоминали, что событие нужно отметить, не скупясь. Борис долго бродил между полок с дорогим алкоголем. Теоретически он мог купить спиртное за любую цену, но жаба душила. Не так легко перековать себя из нищего в миллионера. Долго примеряясь к самому дорогому французскому коньяку, он все же выбрал коньяк из той же Франции, но подешевле. Нужно было еще привыкнуть к тому, что он теперь богат.

Новоявленный миллионер решил вечером пригласить друзей в клуб, чтобы по-человечески отметить свалившееся на него состояние. Жалко, Инга еще не вернулась.

Расплатившись за покупки, Борис понял, что погорячился. Две тяжеленные сумки предстояло тащить по пеклу до дома. Всякий успешный человек такой груз возит на машине, но брать такси, когда твой дом находится в трехстах метрах от магазина – это чересчур даже для миллионера.

Обливаясь потом, Борис доставил провизию домой и, не разбирая сумки, бросился в душ. Прохладные струи привели его в чувство.

Он рассовал еду по полкам в холодильнике, по ходу дела прикладываясь то к ветчине, то к сыру. Кухонный агрегат сыто заурчал. Он сроду не видел такого изобилия.

Заварив еще одну чашку кофе, новоявленный богач вернулся в комнату и включил компьютер. Внезапно он понял, что ему больше не надо строчить статьи под заказ – он теперь свободен. Зайдя в «Мои документы», он нашел файл под названием «Сейшелы» и кликнул «delete». «Вы действительно хотите удалить этот файл?» – услужливо поинтересовалась программа.

– Да! – выпалил Борис и снова кликнул мышкой.

Жизнь обретала смысл.

Он набрал номер телефона Алика.

– Трудишься?

– Нам, приземленным, приходится крутиться, не то, что вам, писателям. А у тебя что?

По делу или как?

– Есть предложение сегодня встретиться.

– Так мы же вчера встречались, – напомнил Алик.

– Хочу тебе долг отдать.

– Ну, без этих денег я как-нибудь проживу.

– А как насчет того, чтобы завалиться в ресторацию?

– В «Макдоналдс», что ли?

– Обижаешь. А может, лучше в клуб? Куда хочешь, в «Сохо» или в «Пачу»?

– Борька, ты на солнце не перегрелся?

– «Приятель строгий, ты не прав. Несправедливы толки злые...»² Нет, я серьезно. Приглашаю.

– В лотерею, что ли, выиграл? – в голосе Алика звучала насмешка.

– Не поверишь, – выпалил Борис. – Миллион баксов, прикинь?

У Алика пересохло во рту. Выигрыш Бориса был из разряда чудес. Но ведь все, что происходило сегодня с ним самим тоже из числа невероятного. Совпадение или?..

– Не может быть, – проговорил Алик.

– Еще как может! Я сам обалдел, когда мне в банке сказали.

– А что ты получил вчера от той девчухи?

Борис вспомнил о пятикопеечной монете и о мифическом богатстве, которое ему посулила девочка с ангельским личиком.

– Иди ты! Не может быть, – только и смог пролепетать он.

– Может. Еще как может, – заверил его Алик.

Слов не было. Помолчали.

– Слышь, а ты же царь, – вспомнил Борис. – Только не говори, что тебе предложили пост президента.

– Чего нет, того нет.

– А как же тогда власть?

– Я могу заставлять людей делать то, что захочу. Помнишь кино про этого... Мессинга?

– Ну ты даешь! А может, совпадение? – все еще не мог поверить Борис.

– А может, ты не получил миллион баксов?

Они опять помолчали.

– А Гришаня с Квазимодо тебе не звонили? – спросил Борис.

– Нет.

– Интересно, что у них.

² Е. А. Баратынский.

Глава 6

Воздух благоухал шампунями и лаками. Жара плавил парфюмерные ароматы, и от этого они становились тяжелыми и удушливыми. Они пропитали все вокруг, и даже распахнутые настежь окна не помогали проветрить помещение.

Под парикмахерскую были оборудованы бывшие номера отеля. В больших комнатах стояли кресла парикмахеров, а в аппендиксах располагались солярий, кабинет косметолога и мастеров ногтевого сервиса, как именовали теперь маникюрш. Vip-зал пользовался привилегированным положением. Он находился в стороне от проходных комнат. Там было всего три кресла. Два из них пустовали, а в одном, обливаясь потом, сидела дородная дама средних лет. Валерка накручивал ее пряди на бигуди.

Его напарницы сибаритствовали. Мариша лениво вращалась в кресле клиентов и от нечего делать в сотый раз смотрела мультит, который крутили по телевизору. Ленка листала «Караван».

Мариша зевнула.

– Меня эта мультяшка уже задолбала. Сколько можно гонять одно и то же?!

– А ты не смотри, – посоветовал Валерка.

– Лучше скажи, когда наконец починят кондиционер, – вставила Ленка.

– Ага. Работать невозможно. Задница к креслу прилипает, – пожаловалась Мариша.

– А ты не сиди, – сказал Валерка.

– Не сиди. Не смотри. А чего делать? Никто в такую жару не идет. У меня всего две записи на целый день.

Валерка отложил бигуди и отправил клиентку под фен.

– Обещали сегодня электрика прислать.

– Они уже третий день обещают, – фыркнула Ленка. – Vip-зал, блин. В общем зале кондеи работают, а у нас как в преисподней.

Мариша покосилась на тетку под феном.

– Я вообще балдею, как можно сейчас под феном сидеть.

– Красота требует жертв, – с ехидцей произнесла Ленка.

Девчонки переглянулись и хихикнули. Дородная дама с мясистым носом и ярким макияжем на увядающем лице вряд ли могла претендовать даже на звание «Мисс подъезд № 4 дома № 135».

– Девчонки, хватит, – осадил их Валерка.

– А че такого? – невинно спросила Ленка.

– Мы же не одни.

– Не дергайся. Под феном все равно ничего не слышно, – успокоила Валерку Мариша.

– Трудоголик ты наш. Работаешь не покладая рук, за всех отдуваешься, – поддела его Ленка.

– У меня клиентка пришла краситься и убежала из этой душегубки. Перезаписалась на другой день. А к нашему мачо не зарастает народная тропа, – подхватила Мариша.

– Как вам не надоест? – покачал головой Валерка.

Мариша встала и потянулась.

– А че, не так, что ли? Жара не жара, ради тебя они готовы прилипнуть к креслу и не дышать.

Спорить с девчонками было бесполезно. Уж если попал к ним на язычок – берегись. К тому же у них была причина завидовать Валерке. Клиентки в самом деле шли к нему с удовольствием. Их привлекала не только его внешность, но также мастерство и обходительность. Хотя

напарницы считали, что женщины всех возрастов просто клюют на красивого парня. Валерка не спорил. Зачем? Он вообще не любил спорить. Каждый волен думать, что хочет.

Пытка пышнотелой дамы под феном закончилась. Мадам переместилась в кресло. Валерка принялся снимать бигуди. Волосы были скручены в спиральки, как будто нарисованные рукой ребенка.

В обычной жизни Валерка терялся перед женщинами, а на работе его будто подменяли. Здесь он был сама уверенность и профессионализм. Возможно, оттого, что в салоне женщины становились для него существами бесполоыми, как пациенты для врачей.

Валерка закончил колдовать расческой и ножницами. Довольная клиентка оглядела себя в зеркало и гордо унесла свою красоту, оставив Валерке щедрые чаевые.

– Везет же некоторым, – с завистью сказала Мариша.

Валерка пропустил ее реплику мимо ушей и занялся уборкой. Он тщательно смел с пола волосы и разложил флаконы и тюбики по местам. Вопреки тому, что ему с раннего детства пришлось жить в хаосе, Валерка во всем любил порядок.

До прихода следующей клиентки у него оставалось больше получаса.

– Девчонки, я сбегаю перекушу, пока у меня перерыв, – сказал Валерка, снимая халат.

В тесно облегающих джинсах и черной майке, не скрывавшей рельефной мускулатуры, он служил бы достойной рекламой любому фитнес-центру.

– Слышь, Валер, если ты без халата стричь станешь, у тебя вообще перерывов не будет, – подтрунила над ним Мариша.

– А че? Я бы тоже балдела, если бы такой супермен мне голову массировал, – подхватила Ленка.

Валерка молча вздохнул, сунул мобильник в карман джинсов и вышел.

За стойкой администратора сидела Дарья Сергеевна, прозванная Кочергой за железный нрав и прямую осанку. Вентилятор на ее столе мерно поворачивался из стороны в сторону, разгоняя духоту.

– Я обедать, – бросил Валерка.

Администраторша сверилась с журналом записей.

– Ты помнишь, что у тебя на три часа клиентка?

– Ага. Я быстро. Туда и назад.

На улице парфюмерные запахи уступили место выхлопным газам. Бензиновые пары витали над проезжей частью и над тротуарами, заполняя собой все пространство. На солнце было настоящее пекло. Люди стремились в тень. Все места под тентом на террасе кафе были заняты.

Двери бесшумно разошлись и пропустили Валерку внутрь. Здесь царила благословенная прохлада. Возле стойки выстроилась очередь. Двигалась она быстро. Валерка встал в конец. Ребята из кафе его знали: во время перерыва он частенько захаживал сюда.

– Привет. Что сегодня? – спросила его рыженькая девчушка.

Красный форменный козырек еще больше подчеркивал разбросанные по всему лицу веснушки.

– Гамбургер и колу, – сказал Валерка.

Заказ мгновенно появился на стойке. Валерка взял поднос и оглядел зал в поисках свободного места. Сидящая за ближайшим столиком девица, почти не мигая, нагло уставилась на него.

Валерка привык к тому, что притягивает взгляды. Как-то давно, еще в старших классах, он пробовал облачаться во что-нибудь бесформенное, чтобы не так обращать на себя внимание, но его затея особого успеха не имела, как и подстриженные во втором классе ресницы. Люди все равно пялились на него, поэтому он вернулся к той одежде, которая ему нравилась, и

со временем научился не замечать заинтересованных женских и завистливых мужских взглядов.

Как правило, люди смотрели на него украдкой, но нахальная девица тактом не отличалась. Под ее прямым оценивающим взглядом Валерка чувствовал себя неловко. Девица как будто сканировала его от макушки до ступней. Валерка отвернулся и поспешил уйти в дальний конец зала.

Усевшись за угловой столик, лицом к стене, он принялся за еду. Не прошло и пары минут, как рядом раздался незнакомый голос:

– Можно?

Не дожидаясь ответа, незнакомка поставила свой поднос и беспардонно устроилась напротив.

Больше всего Валерка боялся напористых девиц. В их присутствии он терялся и чувствовал себя полным идиотом. Потом, задним умом, он понимал, как нужно было ответить, но его остроумие всегда запаздывало, не то, что у Алики или Борьки. Тем палец в рот не клади. Вот и сейчас перед нахальством незнакомки он оробел.

Валерка попытался проигнорировать соседку по столу, нарочито уставившись в стену, будто там происходило нечто захватывающее. Он откусил гамбургер и понял, что лучше бы этого не делал. Хоть убей, он не мог жевать под пристальным взглядом незнакомой девицы. В самом этом акте ему чудилось нечто непристойное. Тем более что незнакомка даже не приоткрыла рот. Она потягивала кофе через соломинку и продолжала беззастенчиво рассматривать его. Валерка слышал, будто Сильвестр Сталлоне никогда не ест публично. Сейчас он понимал известного актера.

– Меня зовут Алина, – представилась девушка, как будто он только и мечтал с ней познакомиться.

Валерка сделал вид, что не только онемел, но и оглох.

– Смотрел шоу «Любовь на острове»?

Шустрая девица сразу взяла быка за рога и перешла на «ты», как будто они сто лет знакомы. Только любви с ней ему не хватало. От такого натиска Валерка окончательно растерялся. Оставалось одно: спастись бегством. Он встал перед выбором: либо оставить гамбургер и удалиться, либо забрать его с собой и доест на работе. И то и другое выглядело достаточно грубо и бестактно, но девица сама нарывалась.

Валерка отодвинул недоеденный бутерброд, намереваясь уйти.

– Подожди. Ты что, думаешь, я к тебе клеюсь? – рассмеялась Алина.

– Не вижу ничего смешного, – насупил Валерка.

Он стал подниматься из-за стола, но девушка ухватила его за руку и буквально силой заставила сесть. Пришлось покориться, не драться же.

– И часто тебя кадрят? – спросила новая знакомая.

Ее шутливый тон не прибавил Валерке настроения.

– Чего тебе надо? – не слишком вежливо спросил он.

Девушка достала из пачки тонкую ментоловую сигарету.

– Ты не против?

Она прикурила, не дожидаясь ответа, и, сделав затяжку, удовлетворенно улыбнулась.

Валерка едва подавил в себе желание снова подняться и уйти. Алина была воплощением всего, чего он не терпел в женщинах. Наглая, беспардонная, курит. А одежда! Куцая майка, не скрывающая пупа, и такие тугие джинсы, что над поясом торчал жировой валик. Ему было абсолютно безразлично, в чем девушки разгуливают по улице, но откровенное выставление себя на показ вызывало неприязнь. Вот Инга никогда бы себе не позволила так вырядиться.

Глотнув никотина и удовлетворив жажду, Алина откинулась на спинку стула:

– Слушай, ты обалденно хорош, даже когда злишься. Но сейчас у тебя нет повода психовать. Кстати, ты не гей?

На этот раз девица перешла все дозволенные грани.

– Да пошла ты! – бросил Валерка, снова решительно поднимаясь.

– Подожди! Я работаю на телевидении.

– Да хоть в Голливуде.

– На первом канале. Хочешь сниматься?

Валерка в нерешительности стоял возле стола, не зная, то ли ему уйти, то ли сесть. Девушка извлекла из сумочки визитку и протянула ему.

Все верно. Первый канал. Редактор.

Но так не бывает. Здесь таится какой-то подвох. Может, их снимают скрытой камерой?

Валерка невольно огляделся.

– Ну так что? Хочешь попасть на ТВ? – переспросила Алина.

– На ТВ? – эхом повторил Валерка, не находя подходящих слов и коря себя за косноязычие.

– Ну да. Я редактор шоу «Любовь на острове». Да садись ты. В ногах правды нет.

Валерка покорно опустился на стул. Разум все еще отказывался верить в происходящее. Разве может мечта всей жизни свалиться на тебя вот так в будний день в дешевом московском кафе?

Алина бойко продолжала:

– Ты везунчик. Вообще-то, у нас с улицы никого не берут. На кастинг очередь выстраивается. Но в твоем случае, думаю, это сто процентов в яблочко. Такая фактура встречается нечасто. Все обалдеют. Ты до этого нигде не снимался?

У Валерки язык словно присох к небу. Он молча помотал головой, чувствуя, что выглядит кретином. Сколько раз он представлял себе, как становится звездой экрана, но как только дошло до дела на него напал ступор. На телевидении нужны бойкие ребята. Его охватил страх упустить шанс, который дается лишь раз в жизни.

Между тем Алина будто не замечала его скованности. Она удовлетворенно кивнула.

– Значит, все чисто. Главный не приветствует, если кто-то уже засветился в рекламе.

Девушка кивнула на визитку, которую Валерка все еще держал в руке.

– Позвонишь по первому телефону. Кстати, тебя как зовут?

– Валера.

– Чем занимаешься?

– Работаю в салоне. Парикмахером, – проговорил Валерка, ненавидя свою приземленную профессию.

Может, редакторша думала, что он артист или спортсмен, а теперь разочаруется и даст от ворот поворот? Но Алину не смутила проза жизни.

– Отлично, – просияла она. – Кастинг завтра. Позвони с утра и уточни время. Ну, мне пора.

Алина загасила сигарету, накинула сумку на плечо и поднялась из-за стола. Уходя, она обернулась:

– Хорошо, что ты не гей. Такой генофонд бы пропал.

Валерка остался один. Позабыв про еду, он сидел над остывшим гамбургером и вертел в пальцах визитку, не решаясь положить ее в карман. Его не оставляло странное чувство нереальности происходящего. Кусочек картона с адресом и номерами телефонов был единственным свидетельством того, что девчонка с телевидения ему не приснилась. Он не мог избавиться от странного ощущения, будто стоит убрать визитку, как окажется, что это был всего лишь сон.

Валерка спохватился, что опаздывает, и поспешно вышел из кафе. В салоне его уже ждала клиентка.

– Мог бы прийти пораньше, – сквозь зубы процедила Кочерга.

Он рассеянно буркнул что-то в ответ и пошел на рабочее место. Ему казалось, что он раздвоился. Один Валерка машинально стриг, доведенными до автоматизма движениями накладывал краску, а другой – был далеко отсюда, в священном и недоступном для обывателей месте под названием телевидение. Теперь, когда у него реально появилась возможность осуществить свою мечту, Валерку охватил страх: вдруг у него не получится? Что если он недостоин? Ведь его сразу раскусят и поймут, что в незнакомой обстановке он теряется и не может произнести ни слова.

Одно дело мечтать, что когда-нибудь сказка станет былью, а если чуда не произойдет, винить в этом незадачливую судьбу. И совсем другое – когда чудо свершилось, а ты облажался по полной. Тогда уж счет придется предъявлять себе самому.

– Ты чего такой смурной? Случилось что? – спросила Мариша.

– А? Нет. Ничего, – отмахнулся Валерка, но его реплика прозвучала весьма неубедительно.

– Из-за Кочерги расстроился? – догадалась Ленка. – Брось. Она если никому настроение не испортит, целый день больная ходит. Подумаешь, на пять минут опоздал.

Валерка был рад, что его настроению нашлось объяснение. Он меньше всего хотел, чтобы на работе узнали истинную причину его нервозности. В случае провала его замучают подколками. Валерка мог доверить свою тайну лишь школьным друзьям, но даже им пока лучше ничего не говорить, чтобы не слезить.

Его колотила нервная дрожь. Работать в таком состоянии было тяжело, а его уже ожидала следующая клиентка. Валерка решил подойти к администратору, а заодно договориться насчет завтрашнего отгула. Ясное дело, Кочерга будет недовольна, но он не мог упустить свой шанс, даже если его уволят.

Администраторша говорила по телефону. Сделав пометку в журнале, она положила трубку и уставилась на Валерку с выражением раздражения, которое редко покидало ее лошадиную физиономию.

– Я не могу сегодня работать. Мне надо уйти, – сказал Валерка.

И без того худое лицо Кочерги вытянулось, усилив ее сходство с удивленной кобылой.

– Ты с ума сошел? К тебе же запись, – прошипела она, как змея из черепа коня Вещего Олега.

Реакция администраторши была вполне предсказуемой. Валерка и не ожидал, что его отпустят без боя.

– Мне очень нужно.

– Что у тебя стряслось? Пожар? Женитьба? – съязвила Кочерга.

– Мне надо домой. С матерью плохо, – солгал Валерка.

В его лжи была доля правды. Последние три дня мать не просыхала. Так что хорошим самочувствием похвалиться не могла. Правда, на работе не знали ее диагноза. Для всех он жил вдвоем с больной матерью. Удобный предлог, чтобы не приглашать к себе девчонок. Поначалу они так и напрашивались на более тесное знакомство. В детстве стыд заставлял Валерку скрывать от одноклассников алкоголизм матери. С годами привычка скрытничать укоренилась. Он не откровенничал ни с кем, кроме закадычных школьных друзей.

– Кому я перепишу твоих клиентов?

– У девчонок есть окна.

– А если они хотят только к тебе?

– Перепиши на другой день. Реши как-нибудь. Да, и еще завтра я тоже не приду.

– Ты в своем уме?

– Я не могу, – сказал Валерка.

– Я тоже не могу.

– А если бы я умер?

Перепапка с Кочергой отвлекла Валерку от мрачных мыслей, но на улице они вернулись вновь как стая испуганного воронья на насиженное дерево. Теперь он уже жалел, что ушел с работы. Там во всяком случае ему было чем заняться, а на что убить полдня? Не домой же идти, где мамаша куролесит с пьяными полубомжами?

Мобильник завибрировал, предупреждая о звонке. В трубке раздался голос Алика:

– Привет, Квазимодо. Как оно, ничего?

– Ничего.

– Вот и я говорю – ничего. А новенького что?

– А что может быть новенького?

– Ну, не знаю, звезда ты наша.

Валерка насторожился. Во-первых, Алик не должен был сегодня звонить, они виделись только накануне. А во-вторых, откуда этот шуточный намек? Неужели он узнал про кастинг? Но каким образом?

– Давай рассказывай, – поторопил его Алик.

– Что рассказывать?

– Все, как на духу. Случилось что-то из ряда вон?

– Откуда ты знаешь? – растерялся Валерка.

– Йес! Значит в точку! Колись! Где звездишь?

– На первом канале, – нехотя признался Валерка.

– Иди ты! Когда? – с неподдельным энтузиазмом восхитился Алик.

– Меня только на кастинг пригласили. В реалити-шоу Еще ничего не решено. Может, отправят по холодку.

– Не вибрируй, парень. Не отправят, – уверенно заявил Алик.

– Не сглазь, – вздохнул Валерка.

– Можешь считать, что твоя физия уже на экране. Что там тебе подарила вчерашняя девчушка?

– А что?

– Нет, это я у тебя спрашиваю. Что она тебе подарила?

– Ну звезду.

– Славу, Квазимодо. Это сладкое слово «слава».

– Смеешься? – отмахнулся Валерка.

– Я серьезен, как гробовщик на похоронах у солидного клиента, – заверил его Алик. –

Между прочим, наш писатель сегодня выиграл миллион баксов.

– Не может быть!

– Еще как может! Так что готовься, Квазимодо. Будешь звездить.

– А ты? Что у тебя? Ты получил власть? – спросил Валерка.

– В некотором роде, да.

– Будешь баллотироваться в президенты?!

– Дался вам этот президент! Как будто другой власти не бывает.

– Какой другой? – поинтересовался Валерка.

– Я тебе при встрече расскажу.

– А что у Гришани?

– У Гришани полный фиг вам. Лопухнулся парень. Ничего не пожелал – ничего не получил. Правда, он пока в неведении, что у нас грядут перемены. Чего его расстраивать по телефону? Мы с Борькой договорились встретиться у него. Ты когда освободишься?

– Уже еду.

Глава 7

Еще один день. Сколько их осталось? Врачи посулили полгода. Сто восемьдесят два дня, плюс-минус. Так все же плюс или минус? В его случае это имело большое значение. Как говорится, времени осталось в обрез и надо прожить его так, чтобы не было мучительно больно.

Интересно, что по этому поводу говорится в книжке по тайм менеджменту, которую он видел у Алика? В аннотации обещали научить эффективно расходовать время. Сейчас ему бы это не повредило. Впрочем, все чушь. Времени все равно не хватит, и все равно будет мучительно больно.

Пусть Алик штудировать книги по личностному росту, кажется, это так называется, а ему самому уже не успеть. Расти некогда, да и некуда. Он как никогда остро ощутил бесцельность своей жизни. Зачем он пришел в этот мир? Чтобы кропать финансовые отчеты на фирме отца? Да это даже фирмой назвать нельзя: мастерская, где работали помимо отца еще два автослесаря. Отец спал и видел, что у сына проснется интерес к делу, но Гришу никогда не привлекало копание в моторах. Он даже водить машину так и не научился. И уже никогда не научится.

Боже, как часто приходит в голову это безапелляционное слово «никогда». Мало ли чего человек не умеет и не испытал в жизни, у него всегда есть возможность все изменить, когда-нибудь, в будущем. Для него же «когда-нибудь» перестало существовать. Будущее сжималось, как лужица под лучами жаркого солнца. Осталось только «здесь и сейчас». Еще одна из формулировок Алика.

Вот у кого с целью все ясно: расширить бизнес, купить крутую тачку, разбогатеть и жить на Багамах.

Борька мечтает написать нетленку и стать классиком.

Валерка хочет стать звездой экрана.

У каждого из них есть цель, только он болтается, как осенний лист на ветру. У него и увлечений особых никогда не было. Но ведь зачем-то он пришел в эту жизнь!

Сейчас полно курсов, где обещают помочь найти свою цель. Может, нужно было прослушать такой курс? Может быть. Только поздно посыпать голову пеплом. А если быть честным до конца, вряд ли он пошел бы на курсы, даже если б вся жизнь была впереди. У него не было амбиций. Он с детства был болезненным ребенком и не привык ничего планировать, просто плыл по течению. И вот теперь течение несло его в тихую гавань.

Гриша взял с полки оловянного рыцаря.

– Герой, – с усмешкой произнес он.

Из головы не шла вчерашняя встреча с девчушкой. Чем-то она его зацепила. Прежде у него не было повода общаться с детьми, он даже не знал, о чем с ними говорить, но Ангелина напомнила ему о мире детства, где от всех страхов можно спрятаться, укрывшись одеялом с головой. И где каждое утро начинается новая жизнь, которая длится вечность. В детях бурлят задор и энергия – то, чего ему так не хватает. Ему вдруг захотелось снова увидеть девочку.

Гришу пронзила мысль: а ведь у него никогда не будет детей. Удивительно, что только не лезет в голову, когда перед тобой маячит финишная черта. Ведь он мог прожить бобылем до старости и не задуматься о создании семьи. Конечно, в глубине души он хотел встретить такую девушку, как Инга, но дальше маниловских мечтаний дело не шло. А о детях он и вовсе не помышлял. А теперь об этом думать поздно. Теперь все поздно. Ничего уже не изменить. У него всего полгода, плюс-минус.

Внезапно его точно обожгло молнией: у него есть полгода, и лишь от него зависит, как он их проживет. Можно превратить это время в пытку, потонуть в жалости к самому себе и умирать каждый из оставшихся дней. А можно бросить смерти вызов.

Он как-то читал о человеке, которому врачи вынесли приговор, предрекая летальный исход, а он взял и отправился в кругосветное путешествие. Он плевать хотел на болезнь, хотя гроб с собой на всякий случай прихватил. И жил так, как будто перед ним вечность. А когда он вернулся домой, оказалось, что совершенно здоров.

На тумбочке возле дивана громоздились упаковки с лекарствами. Как будто таблетки могли победить болезнь! Своеобразное плацебо. Самообман чистой воды. Они способны продлить не жизнь, а агонию. Рука, распростертая на листке со схемой приема лекарств, медленно сжалась в кулак. Бумага мялась и хрустела.

Гриша скомкал лист, спрессовал до размеров маленького шарика, сходил на кухню и выбросил в мусор. Захватив ведро, он вернулся к себе и решительно смел в него разномастные упаковки. От собственной смелости у него зашло дыхание. На мгновение мелькнула мысль: «Что я делаю?! Это безумие».

Как-никак лекарства давали шанс протянуть чуть дольше. Возникло импульсивное желание достать пузырьки и коробочки и снова расставить на тумбочке. В детстве он часто болел. Сопли, кашель – ничего фатального, но лекарства стали неотъемлемой частью его жизни. Желание вернуть все на круги своя было велико.

Но разве можно повернуть время вспять? Аптечные упаковки уже не привычное дополнение интерьера, а зримое свидетельство того, что жизни ему осталось всего ничего.

Гриша поставил мусорное ведро под раковину и включил чайник – просто чтобы чем-то себя занять. Кухня выходила окнами на север, поэтому, несмотря на отсутствие кондиционера, здесь даже в самое пекло было вполне сносно.

Гриша вышел на балкон. Он помнил, как береза возле дома едва доставала макушкой до их этажа, а теперь она далеко переросла его. Осенью ее яркая шевелюра даже в пасмурный день создавала иллюзию солнца. Осень. Он успеет ее увидеть. Черт! Черт! Черт! Он еще не умер, а уже как будто смотрит на все из могилы.

Щелчок оповестил о том, что вода вскипела. Гриша машинально посмотрел на часы. Без пяти два. Время принимать лекарство. Взгляд невольно уперся в дверцу шкафчика под раковиной. Свобода никогда не дается легко. Находится множество доводов в пользу рабства. В его ситуации отказываться от медицины было глупым ребячеством. Возможно, лекарства продлят жизнь на несколько дней. Только перед лицом смерти начинаешь ценить каждый отпущенный час.

Как под гипнозом, Гриша вытащил мусорное ведро. Рука сама потянулась к темной стеклянной баночке с яркими капсулами. Дрожащими пальцами он отвинтил крышку. Будто наркоман, в предвкушении дозы. Жалкое зрелище: чахнуть, как Кощей, только не над золотом, а над таблетками. Зачем? Что остается в этой жизни незавершенным, ради чего стоит продлевать агонию?

«Съездить в Португалию», – неожиданно подумал он.

В детстве Гриша бредил этой страной. Он любил читать про мореплавателей и историю открытий. По мере того как человек взрослеет, рутина убивает детские мечты. Остаются привычка и проторенная дорожка на дачный участок, а путешествия откладываются на потом, на когда-нибудь. Но дальше откладывать некуда.

Он снова вспомнил чудака, который вопреки диагнозу отправился в плавание. Вряд ли он жил по указанию врачей и соблюдал распорядок приема лекарств.

Яркие капсулы посыпались в ведро, как отстрелянные гильзы из обоймы. Не давая себе времени передумать, Гриша вынес ведро и вытряхнул в мусоропровод. Банки и склянки полетели в темный зев. Дробный грохот стих. Металлическая затворка лязгнула, как челюсть огромного зверя. Точка возврата осталась позади.

Вернувшись к себе, Гриша сел на диван и по-детски зажал ладони между колен. Все, с этим решено. Больше никаких лекарств. Свобода! Во всяком случае, сегодня он чувствовал себя вполне сносно, даже головная боль, ставшая привычной, дала ему передышку.

Гриша обратился к рыцарю:

– Вот так-то. Мы ведь с тобой герои.

Телефон замурлыкал почти нежно. Даже не снимая трубки, Гриша знал, что это мать. Она сохранила привычку звонить ему несколько раз на день и опекать, как будто он не вышел из детского возраста. Но на этот раз он ошибся. Звонил Алик.

– Привет, герой!

Услышав это слово из уст друга, Гриша невольно смутился, как будто его застигли за чем-то неприличным. Словно Алик мог услышать его разговор с оловянной игрушкой. Звонки друга были неожиданными. Они виделись только вчера, наговорились вдоволь и обменялись всеми новостями. Что могло произойти за это время?

– Что случилось? – спросил Гриша.

– Ничего. Мы тут с Борей решили тебе позвонить, узнать, как жизнь.

«Они знают», – пронеслось у Гриши в голове. Но откуда? Он ведь никому не говорил. Впрочем, мало ли. Может, мать сболтнула. Когда дело доходит до плохих новостей, мир оказывается очень тесным.

– Со вчерашнего дня ничего не изменилось, – обтекаемо сказал Гриша.

Алик почувствовал в его голосе напряжение. Значит, есть скелет в шкафу. Гришаня с Валеркой известные конспираторы. Из того тоже пришлось клещами тянуть новость о кастинге. Теперь надо размотать Гришку. У него наверняка что-то должно было произойти, не могло не произойти, ведь ни для кого из них вчерашняя встреча не прошла бесследно.

– Хорошо темнить! Мы ведь твои друзья, не забыл? – нажал Алик.

– Что ты хочешь услышать? – вопросом на вопрос ответил Гриша.

Сомнений не было, друзья узнали о его болезни. Какая разница откуда. Важно то, что тайна выплыла наружу. Гриша намеревался прожить отмеренные ему полгода, как обычный человек. Он не хотел выслушивать соболезнования и ловить на себе скорбные взгляды, будто он уже покойник.

– Может, ты вытащил ребенка из огня? Или спас утопающего? – спросил Алик.

– Я же плавать не умею, – напомнил Гриша.

Он терялся в догадках, к чему Алик несет весь этот бред. Неожиданно Алик отступился:

– Ладно, проехали. Ты сейчас дома?

– Да.

– Мы с Борей к тебе заедем.

– Зачем?

– Странный вопрос. Ты что, хочешь сказать, что нам не рад?

– Нет, но мы ведь вчера виделись. И у меня отчет лежит, – промямлил Гриша, понимая, что его потуги отклонить встречу ни к чему не приведут.

– Отчет – не отбивная, не протухнет. А жизнь коротка. Жди.

Алик отключился, прежде чем Гриша успел что-либо ответить.

Жизнь коротка...

Жизнь...

... коротка.

Они всё знают!

Он не хотел, чтобы друзья стыдливо отводили глаза, словно виноваты в том, что здоровы. Чтобы в воздухе повисала недосказанной каждая фраза, когда речь заходит о планах на будущее. Чтобы в их памяти он навсегда остался ходячим мертвецом.

Мечта о путешествии в одночасье превратилась в твердую решимость. Бежать от соболезнований, вздохов и печальных взглядов! Он еще жив! Похороны откладываются на полгода. Он увидит Португалию, постоит на краю земли, а оттуда отправится в другие страны. Мать, конечно, с ума сойдет. Он так и слышал, как она взывает к его разуму, подкрепляя свои доводы слезами. Но на этот раз он не поддастся никаким уговорам. Это его жизнь. И отец его поддержит.

Гриша включил компьютер и зашел в поисковике «Кругосветные круизы». Он так увлекся, что забыл про визит друзей.

Алик и Борька ввалились в квартиру с пакетом из супермаркета: пиво, чипсы, сухарики, сушеные кальмары – весь джентльменский набор для душевного разговора. Впрочем, держались они молодцом, без соплей и соболезнований.

– Да у тебя тут рай! – воскликнул Алик, по-хозяйски устраиваясь в кресле рядом с журнальным столиком. – Надо себе тоже кондей поставить.

Борис скользнул взглядом по монитору.

– Это что, Сейшелы? Слушай, они меня уже достали. Куда ни сунусь, везде эти острова.

– Планируешь отправиться в странствие? – удивился Алик. – Вот это да! А говоришь, что ничего не произошло. Колись, темнила.

– А что тут такого? Ты же каждый год мотаешься за границу. Почему бы мне тоже не съездить?

– Я это я, а для тебя дачный участок – край света. Ты же оседлый, как поросший мхом пенёк. С чего вдруг тебя потянуло на приключения?

– Разве человек не может измениться? – вопросом на вопрос ответил Гриша.

– Может. Вопрос только почему?

– Колись, Гришаня. Чистосердечное признание облегчит твою участь, – сказал Борис.

– Слушайте, что вы пристали? – отмахнулся Гриша.

Алик взял фигурку рыцаря, повертел в пальцах и, глядя Грише в глаза, многозначительно сказал:

– Хорошая игрушка.

– Классная, – поддакнул Борис.

Загадки и недомолвки действовали Грише на нервы. К чему ходить вокруг да около? Уж лучше сразу огорошили бы его тем, что всё знают, и покончили бы с этим. Гриша отобрал у Алика рыцаря и снова поставил на полку.

– При чем тут игрушка?

– А при том, что Валерку пригласили на кастинг. Будет теперь звездить на ТВ, – Алик выдержал паузу и продолжал: – А Борька выиграл миллион баксов.

– Правда, что ли?

Гриша перевел взгляд с Алика на Борьку.

– О да, мой друг. Как ни странно это звучит, сегодня я пил кофий в кабинете с кожаными креслами, а управляющий отделением банка был у меня на послышках.

– А Валерку пригласили на кастинг, можно сказать, с улицы, – добавил Алик.

– Ничего себе совпадение! – удивился Гриша.

– Совпадение – это замаскированная закономерность, – ухмыльнулся Борис, достал из кармана джинсов монетку, картинно подбросил и поймал. – Ну так как насчет вчерашнего подарка?

– Ты шутишь, – недоверчиво сказал Гриша. Все это гораздо больше походило на розыгрыш, чем на правду.

– Ну, если миллион баксов на счете можно считать шуткой... – осклабился Борис. – Кстати, вечером приглашаю всех в клуб, обмоем.

– В общем, Гришаня, хватит бабушку лохматить. Говори как на духу, что тебя подвигло в Интернете по сайтам турфирм слоняться? – настаивал Алик.

Гриша пропустил его вопрос мимо ушей и спросил:

– А ты? Ты ведь царь. Неужели стал президентом?

– Вы все задвинулись на президенте, что ли? Че, вчера выборы были?

– А как же власть?

– Власть бывает разной, паря. Про гипноз слышал? Я могу заставить любого делать то, что захочу.

Вот на этом шутники и спялятся, подумал Гриша и попросил:

– Тогда меня загипнотизируй. Или Борьку.

– Исключено. У нас друг на друга иммунитет. Мы уже пробовали. Действие распространяется только на чужаков. Мы в одной игре, а мир – по ту сторону занавеса, – сказал Алик.

– Ребята, признайтесь, это лажа, какой-то розыгрыш, – все еще сомневался Гриша.

– Вот неверующий! Говорю же тебе, все правда. Неужели у тебя так-таки ничего и не случилось? Ведь зачем-то ты полез на Сейшелы! – воскликнул Борис.

Гриша задумался. В самом деле, прежде он никогда бы не решился выбросить лекарства и не помышлял о кризисе. Просто тихо ждал бы своего часа. Но говорить друзьям о том, что он приговорен, сейчас хотелось меньше, чем когда-либо. Судя по всему, они были не в курсе.

– Просто захотелось поездить по миру. А то ведь проживешь жизнь и так ничего и не увидишь, – сказал Гриша.

– Это первый шаг. Значит, геройство у тебя впереди. Я ведь тоже еще не президент. Время покажет, – улыбнулся Алик.

«Это если есть время», – подумал Гриша. Душа снова сжалась от тоски и жалости к себе, но возглас Бориса отвлек его от грустных мыслей:

– Братцы! Я понял! Ну ты, Гришаня, и лоханулся!

– В смысле?

– Помните наш разговор перед тем, как появилась игрунья в белом? Насчет заветных желаний.

– Ну?

– Я загадал миллион баксов, Алик – власть, Валерка – славу, и только ты, Гришаня, самым бездарным образом профукал свой шанс.

Алик с сочувствием посмотрел на Гришу.

– Похоже на правду. Да, круто ты пролетел. Но ничего, с нами не пропадешь. Мы тебя в беде не оставим. Правда, Борька?

– Ясный перец. Один за всех...

Гриша почувствовал укол зависти. Впервые он не мог радоваться вместе с друзьями. Душу будто придавило тяжелой могильной плитой. Почему такая несправедливость? Одним дается долгая жизнь и куча призов вдобавок, а у других... плюс-минус.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы он совсем ничего не получил в дар. У него появилась цель – отправиться в путешествие. И еще он обрел свободу. Конечно, он не собирался изменять мир, но мог изменить себя, перестать прозябать и начать жить. Ему не нужны ни власть, ни богатство, ни слава. Так чему он завидует? Ему хочется жить. Просто жить. Да, именно так он и сказал. А что если?.. Но при чем тогда геройство? Вдруг оно состоит в том, чтобы достойно принять смерть?

Эйфория

Глава 8

Алик полулежал на диване и лениво перебирал кнопки на пульте переключения каналов, нигде не задерживаясь дольше минуты. Он редко смотрел телевизор, предпочитая DVD, где никто не полощет мозги рекламой. Зато Вика была настоящей телеманкой. С утра, едва открыв глаза, она включала ящик, не парясь, что там показывают. Вся ее жизнь проходила под аккомпанемент мыльных опер, ток-шоу и прочей мурсы.

Алик чуть не сбрендил за неделю совместной жизни. Хорошо еще, в тот раз они обосновались в ее квартире. Когда его терпению настал предел, он просто собрал манатки и удалился под благовидным предлогом. Выставить за дверь Вику было бы гораздо болезненнее. Алик предпочитал избегать громких ссор и хлопанья дверями. Мастерство расставания он довел до совершенства и со всеми бывшими пассиями оставался в дружеских отношениях. Впрочем, Вику нельзя было назвать бывшей. Они продолжали встречаться, правда, теперь не дольше, чем на ночь.

На кухне что-то грохнуло и раздался возглас Вики:

– Блин!

– Что там? – крикнул Алик.

Руки у Вики росли не тем концом и не из того места, поэтому Алик не ожидал ничего путного от ее рвения приготовить ужин.

– Поднос уронила.

– Говорил тебе, давай закажем пиццу.

Он не мог подавить раздражения: хотелось есть, а из-за ее глупого упрямства ужина теперь еще час дожидаться.

Услышав недовольство в его голосе, Вика тотчас появилась в дверном проеме. Что касается тонкостей мужской психологии, тут она была асом. Одного взгляда на ее аппетитные формы и застенчивую улыбку провинившейся пай-девочки было достаточно, чтобы любой мужик растаял. Злость Алика тотчас испарилась. Что и говорить, Вика была потрясной телкой. Когда он увидел ее в первый раз, у него дух захватило. Он даже понадеялся, что она сумеет вытеснить из его мыслей Ингу. Впрочем, скоро он понял, что между девушками было одно, но существенное различие. При роскошной внешности у Вики наблюдалось полное отсутствие интеллекта. Единственную извилину в ее мозгу занимала мысль – как произвести впечатление на мужчин. Это она умела.

– Я хотела приготовить для тебя ужин сама, – с нарочито обиженным видом проворковала она.

– Посмотри на себя в зеркало, – сказал Алик.

– А что? – теперь уже по-настоящему вскинулась Вика.

– Разве такая девушка создана, чтобы стоять у плиты? Тобой нужно любоваться, а еду пусть готовят другие.

Вика расплылась в улыбке и бросилась Алику на шею.

– Котик...

Алика мутило от этого прозвища, но дальше котиков и зайчиков фантазия у красотки не простиралась. Приняв ее пылкое проявление чувств со снисходительностью шейха, Алик напомнил:

– В прихожей на столике лежит рекламка. Будь умницей, закажи пиццу.

Пока Вика звонила, Алика уже не первый раз посетила мысль, что с ней пора завязывать. В последнее время она стала проявлять излишнее хозяйственное рвение – верный признак того, что цыпа захотела бросить якорь и завести семью. Лично ему недели совместной жизни хватило с лихвой. Она была девушкой для представительских целей – попонтоваться перед народом. Во всем, что касается обольщения, Вика была бомбой, но он ни за какие коврижки не согласился бы с утра до ночи терпеть тупые телешоу и есть ее подгоревшую стряпню.

Вика с ногами залезла на диван и ласковым котенком свернулась возле Алика.

– Хватит баловаться с пультом. Так же невозможно смотреть, – капризно сказала она.

– А там есть на что смотреть? – насмешливо спросил Алик и выключил звук.

Ирония его осталась незамеченной. Вика вполне искренне изумилась:

– А что же еще делать по вечерам?

– Я предпочитаю активный отдых.

Алик привлек ее к себе. Вика для порядка покочевряжилась, но не слишком рьяно, а потом прильнула к нему. Забытый пульт соскользнул на пол. На экране ведущий программы беззвучно шевелил губами, но никому не было до него дела.

В такие моменты Алик забывал обо всех Викиных недостатках. В чувственности и искусстве дарить наслаждение ей не было равных. Каждый раз она вносила в отношения новизну, не переставая удивлять своей изобретательностью. Именно поэтому он не спешил с ней расстаться в ожидании, когда она исчерпает себя до конца.

Ощущение приближающегося восторга и желание оттянуть кульминацию нарастали, и когда они оба уже были не в силах сдерживаться, за вскриком и вспышкой последовало сладостное парение, как будто на несколько мгновений тело потеряло свою брэнность.

Возвращение на землю было прозаичным. Как всегда, ореол вокруг возлюбленной померк и она из предмета страсти снова превратилась в обыкновенную красивую дуру.

– Тебе принести что-нибудь выпить? – спросила Вика, пощекотав его ухо кончиками своих волос.

– Угу.

Не делая попыток прикрыть наготу, она встала с дивана и вдруг воззрилась на экран.

– Смотри!

Алик повернулся к телевизору и увидел Валерку. Популярность новой звезды росла как на дрожжах. Вначале Квазимодо опасался, что его вышибут из проекта, ведь он не был бойким на язык, как остальные. Но имидж немногословного мачо, чья жизнь окутана тайной, играл ему на руку.

Валерка с Борькой без дураков получили от судьбы счастливый лотерейный билет. Слава Квазимодо была так же реальна, как и миллион баксов на счету у Борьки. А вот с властью Алик явно лажанулся. Поначалу его прикалывало умение пройти в кинозал по бумажке вместо билета – эдакая проказа на уровне младшей школы. А то еще можно было гонять людей по мелким поручениям. Но разве это власть? Максимум, чего он мог достичь – стать эстрадным фокусником, но это совсем не то, чего он хотел от жизни.

Размышления прервала Вика.

– Твой друг просто красавчик! А все девчонки в шоу швабры.

– Хочешь оказаться на их месте?

– Ревнуешь? – игриво спросила Вика.

– Только не к Квазимодо, – усмехнулся Алик.

– Почему ты его так называешь?

– Долгая история.

– У него есть девушка?

– Нет. Валерка их обходит стороной.

– Он что, гей?

В голосе подруги сквозило разочарование. Алик улыбнулся. Сколько раз Квазимодо приходилось слышать этот вопрос. Ничего удивительного, что это его так бесит.

– Он бы тебя убил за такое предположение.

– А чего же он тогда один?

– У него папашка был женат восемь раз. Так что теперь это Валеркина принципиальная позиция. Но если хочешь, я вас познакомлю.

– Не боишься, что он меня уведет? – кокетливо стрельнула глазками Вика.

Это была бы большая удача, подумал Алик, а вслух сказал:

– Значит, счастливчиком будет он.

Их диалог прервал звонок в дверь.

– Наконец-то пиццу принесли. Я жутко голодная, – обрадовалась Вика, накидывая на голое тело мужскую рубашку.

Алик поморщился. Он терпеть не мог, когда девушки посягали на его одежду. В этом было что-то излишне интимное, как будто они уже договорились о совместном хозяйстве.

– Я сам открою.

Алик поспешно натянул джинсы и вышел в прихожую. Вика тенью последовала за ним. Застегнуть рубашку она так и не удосужилась. При виде ее обнаженных ног и почти не прикрытых соблазнительных форм на разносчика пиццы напал столбняк. Алику даже стало жаль прыщавого юнца, который, возможно, в первый и в последний раз видел подобную роскошь не на экране, а вживую. Он дал парню больше чаевых, чем требовалось.

Захлопывая дверь, Алик коробкой случайно задел стопку скопившихся на столике бумаг. Счета и рекламные листовки, которые он не успел выбросить, веером рассыпались по полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.